

ПАВЕЛ В. СЛАВИН

# РАЗУМ И БЕЗДНА



# Павел Вячеславович Славин

## Разум и Бездна

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=67964894](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67964894)*

*SelfPub; 2024*

### **Аннотация**

История о путешествии в великую пустоту, в ходе которого горстка отважных людей противостоит разрушительному влиянию Бездны и пытается сохранить разум, тягу к знанию, любовь и смысл существования.

# Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	35
Глава 4	64
Глава 5	90
Глава 6	109
Глава 7	135
Глава 8	154

# Павел Славин

## Разум и Бездна

### Глава 1

Этот день был не похож на предыдущие.

Юлий знал, что слово “день” должно означать не то, к чему он привык. Отец говорит, что день – это не просто мера времени, а еще и радостное событие, когда небо сияет светом, когда на земле растут диковинные и съедобные живые существа – растения. Настоящий день позволяет людям видеть друг друга без светочей и ходить без курток, потому что пространство наполнено теплом и светом. Отец говорит, что это не сказка, что такие дни действительно были – когда-то давно, еще до того, как их Остров откололся и поплыл в Океан. С тех пор прошло много времени, много дней – уже других, темных дней, которые так похожи один на другой... В такие, скучные дни небо всегда черное, вокруг дома всегда холодно, и можно ходить только в куртке с капюшоном, иначе заледенеешь и погибнешь. Небесный источник света и тепла давным-давно скрылся во тьме, и остался только Океан. С тех пор Остров, на котором стоит Дом, медленно-медленно плывет по Океану – так медленно, что это почти всегда совсем незаметно. Только изредка земля и все предметы

на острове начинают медленно и лениво качаться – по словам Отца, в такие моменты Дом “проходит сквозь волны тяготения”. Юлий толком не понимал, что означает тяготение – но каждый раз, когда случалась эта качка, Юлий смотрел на Океан из окна или из башни с маяком и видел, что Океан изменялся. Если обычно он был черным, слегка блестящим в бледных лучах маяка, абсолютно неподвижным – то “волны тяготения” превращали его в сморщенное одеяло. Морщины быстро кружились вокруг острова, смешивались друг с другом, становились то выше, то ниже, затем постепенно теряли силу и скорость и исчезали, а берега Острова на некоторое время подтопляла черная вода. Через несколько минут она отступала, но подходить к кромке берега долгое время после этого было особенно страшно.

Юлий боролся со Страхом сколько помнил себя. А помнил он не так уж много – всего сотню-другую дней. Братья и сестры, которые жили с ним в Доме, тоже помнили не больше. Юлию казалось, что память такая короткая именно оттого, что дни стали не такими яркими и интересными, как описывает Отец в своих историях – наверное, в голове есть какой-то специальный орган, который смывает однообразные воспоминания... И в самом деле, стоит ли помнить множество дней, если все они похожи – как похожи круги, описываемые часовой стрелкой на циферблате над тумбой с прахом Отца....

Но этот день был не похож на предыдущие.

В этот день Океан заговорил с ним.

Может быть, он говорил и раньше, но Юлий уже не помнил?

Ему было очень досадно, что память здесь, на острове, такая короткая. Если верить Отцу, то люди должны помнить очень-очень многое. Много дней. Тысячи дней, множество историй, целые горы слов, знаний и событий. Люди, которые остались там, далеко, где дни яркие, – они живут так, потому что нет Страха; но здесь, в Океане, люди не могут помнить много. В Океане живет Страх – и если запомнить много Страха – сойдешь с ума и умрешь. Отец не любит говорить об этом. Только если рассердится на кого-то из братьев или сестер, начинает пугать Океаном и Страхом. В такие минуты все члены семьи – даже неистовый кузнец Герман и черно-волосая гадалка Вера – замолкают и слушают, а юная красавица Анна судорожно сжимает руку ближайшего брата.

Юлий тоже боялся Океана – хотя, наверно, меньше, чем остальные. Впрочем, не считая лекаря Михаила, самого старшего члена Семьи. Тот вообще ничего не боялся, он был самым хладнокровным. Именно Михаилу Юлий должен был приносить то, что удавалось поймать в Океане. Когда с маяка кто-то из братьев или сестер кричал, что к Дому приближается плывущий Валун, чаще всего именно Юлий отправлялся на перехват на моторной лодке. Такая охота была очень неприятной – потоки холода исходили от медленно качающейся на воде каменной глыбы, и с этим холодом в

тело вползал тот самый Страх. Не обычное чувство, а нечто полуживое и хищное, порождаемое Океаном и его отпрысками-Валунами, некая убийственная сила, которая высасывала из человека все человеческое. Когда лодка приближалась к Валуну, Юлий тратил большую часть сил не на управление и даже не на стрельбу – самым сложным делом было удержаться от паники, от желания пронзительно закричать, сжать голову руками так, чтобы в ней исчезли все мысли, и, перевалившись через борт лодки, свалиться в Океан. Почему-то в те моменты казалось, что если прыгнуть в воду, то Страх сразу же исчезнет. Только потом, уже на берегу, приходило понимание – вместе со Страхом тогда исчезла бы и жизнь.

Валуны нужно было отгонять Белым Огнем. Снаряды с этим спасительным веществом делал кузнец Герман. Ему досталось больше всего умения от Отца, и сам Отец помогал ему в его работах. Если бы не Белый Огонь и устройства-метатели, Дом бы давно был разрушен Валунами. Чаще всего, когда снаряд попадал в Валун, раздавался раскатистый очень низкий рев, Океан покрывался рябью, а сам Валун рывком отскакивал назад – и скрывался во тьме. А иногда, если особенно везло – Валун раскалывался на части, и обломки бесильно плавали на поверхности воды. Они были очень холодные. Юлий подбирал некоторые из них, складывал в лодку и по возвращении относил в Дом. Их исследовали Михаил, Вера и Герман, а потом долго говорили с голосом Отца возле

тумбы с его прахом. Юлий не знал, о чем – но ему безумно хотелось узнать и понять, что это за Валуны, и зачем Океан их посылает.

И вот, возможно, Океан расскажет ему об этом сам. Иначе, зачем тогда он заговорил?...

Юлий стоял на берегу, возле того места, где хранились моторные лодки. Их было три. Ближе всего к воде была его лодка, самая быстроходная, со специальным упором для метателей Белого Огня и большим черпаком для обломков. Чуть дальше от кромки воды, поднятая на каменных подпорках, покоилась лодка сестры Анны. На ней было много часов, стеклов и странных соединенных банок – эта лодка нужна была для изучения воды Океана, хотя на ней выходили очень редко. Дальше всего от воды лежала большая и неуклюжая лодка, способная поднять всю Семью. За ней виднелся обвалившийся вход в тоннель, который когда-то вёл от причала прямо в Дом. Много лет назад в Остров врезался большой Валун, и тоннель засыпало, поэтому Юлий, сколько себя помнил, всегда ходил к лодкам по поверхности Острова, надев куртку с капюшоном.

“Должно быть, это было очень мощное столкновение – то, что привело к обвалу тоннеля... Но почему-то на острове нет обломков того гигантского Валуна. Наверное, их унесло волнами обратно в Океан... Страшный, тяжелый удар, грозивший расколоть Остров... Ведь это так непохоже на скучные, однообразные события, из которых состоит наша насто-

ящая жизнь. Почему же мы не помним это столкновение? Я не помню, братья и сестры тоже не помнят... Память к нам несправедлива..."

Юлий смотрел на черную воду, а в голове у него вереницей плыли мысли – о Доме, о братьях и сестрах, о светлых днях и о вечной тьме, о Валунах, об Отце... Он пытался отгонять от себя мысли, мешающие слушать, – ведь Океан мог снова заговорить. Но Океан был почти неподвижным и совершенно безмолвным. Пятно света, испускаемое налобным светочем Юлия, лежало на воде возле берега и очень медленно шевелилось вместе с водой. Юлий прикрыл рукой кристалл светоча на лбу – и стало темно. Снова открыл – и отраженное пятно на воде опять медленно наполнилось матовым блеском.

Налобные светочи были источниками тепла и света, незаменимым средством выживания за пределами Дома. На Башне, правда, был большой маяк, и именно благодаря его серебристому свечению тьма отодвигалась от острова; но уже у берегов свет маяка становился холодным и рассеянным, дающим возможность видеть лишь темные очертания скал и водяной глади. Без светочей люди, осмелившиеся удалиться от входной двери Дома, были бы полуслепыми, беспомощными, обреченными на неминуемую смерть от холода и Страха.

У всех членов Семьи были светочи одинаковой конструкции – легкий, почти невесомый серебристый обруч и кри-

стальная овальная вставка посередине лба, постоянно горевшая белым светом. Яркость светоча зависела от того, насколько темно было вокруг – в Доме он мог просто ненавязчиво и уютно тлеть, но за пределами стен жилища или посреди Океана разгорался очень ярко. Кроме того, белый цвет сияния иногда изменял оттенок – хотя Юлий никогда не мог понять, внешние ли силы вызывают эти изменения или его внутреннее настроение. Отец говорил, что светочи были его творением, и он подарил их Семье перед тем, как его жизнь во плоти закончилась. Без этих маленьких светящихся предметов никто бы не выжил. Снять светоч – означало умереть. Так говорил Отец, и Юлий ему верил. Даже внутри Дома сила Океана могла проникнуть в тело и превратить его в заледеневшую статую – поэтому светочи были прикреплены к коже головы так, что снять их было невозможно. Впрочем, никто и не посмел бы это сделать. Перспектива расставания со светочем была настолько пугающей, что Юлий старался избегать любых мыслей на эту тему. Почувствовав, что он как раз начинает приближаться в своих рассуждениях к этой страшной идее, Юлий усилием воли заставил себя думать о голосе Океана и загадке, которую этот голос ему задал.

Однако, через минуту он снова отвлекся. Послышался легкий шорох за спиной, и Юлий, даже не оборачиваясь, сразу же определил по шагам, кто идет. Это приближался самый младший в Семье, стрелок Иосиф. Именно младшего брата Юлий любил больше остальных – за прямоту и безусловную

дружбу, за умение чувствовать, где нужна помощь и где будут рады его присутствию.

Иосиф был самым искусным стрелком. Он умел метко стрелять Белым Огнем не только из лодки, но и из башни с маяком. Также он прекрасно умел закидывать из лодки цеплялку – длинную тонкую веревку, на конце которой был приделан гладкий камень, притягивающий все твердое, что плавало в Океане. Старшие братья и сестры, которым Отец поручал изучать Океан, очень благодарили Иосифа, когда ему удавалось поймать цеплялкой что-то новое.

Юлий тоже почувствовал благодарность – ему было всегда и легче и приятнее вдвоем с Иосифом во время плавания в Океане.

Он отвернулся от воды, и лучи светочей братьев пересеклись.

– Готовишься к охоте? – спросил Иосиф, остановившись в двух шагах.

– Я готов. Поплывешь со мной?

– Да, я хочу быть рядом. Валун очень большой. Тебе пригодится помощь.

– Ты хорошо рассмотрел?

– Я был в башне, – слегка нахмурившись, ответил Иосиф. – Оттуда я всегда вижу хорошо. Этот – крупнее остальных.

– Первый Валун за сорок дней, – пробормотал Юлий, снова посмотрев на Океан. Там, где-то вдалеке, медленно плыл

этот Валун. Его еще не было видно с берега. Скоро он подойдет ближе – и Страх усилится.

– Да, их давно не было. Отец говорит, Океан становится все более пустым. И форма у этого валуна странная. Другие обычно округлые и твердые, а этот постоянно меняется....

– Сегодня происходят особенные вещи, – тихо сказал Юлий.

– Особенности? Какие?

– Океан говорил со мной...

Иосиф отступил на шаг назад и снова нахмурился.

– Говорил? Как это?...

Юлий пожал плечами.

– Трудно объяснить. Это было похоже на Страх. Но другое. Сильное, неприятное чувство. Не мое. Снаружи.... Оно шло из Океана. Я даже могу сказать точно, откуда. – он показал рукой вперед и вправо перед собой, на черный горизонт.

– Слова? Ты слышал оттуда голос?

– Да, голос, – почти прошептал Юлий. – Но он не говорил. Он как будто вставлял мысли мне в голову. Не могу объяснить...

– Какие мысли?

– Океан сказал, что мы добрались до очень далекого места... Он сказал: “самое далекое. Скоро будет самое далекое место во всем мире. В этом месте Океан выливается наружу. Вам туда нельзя...”

Иосиф ничего не сказал, услышав эти слова, но черты его

лица как бы заострились, а губы сжались в тонкую нить. Теплые лучи светоча со лба Юлия хорошо освещали брата, и было явственно видно, как сильно побледнела кожа на его лице. Юлий понимал, что Иосифу стало страшно. Он и сам ощущал волны Страх. Валуна еще даже не было видно, а Страх уже пришел.

И тут к ним обратился Отец. Его голос зазвучал в воздухе вокруг них, и они оба его слышали. Это тоже было необычно – Отец чаще всего говорил с каждым отдельно, так, что слышать его мог только тот, к кому он обращался. Иногда Отец одновременно говорил о разных делах с несколькими братьями и сестрами... Юлий всегда поражался, как у Отца это получалось – говорить одновременно многими голосами разные слова. А если Отец говорил громко, одними словами для всех – то только в Доме, возле тумбы со своим прахом. Всего несколько раз на памяти Юлия Отец говорил громко за пределами дома.

– Ты рассказал очень важное, Юлий. – сказал Отец. – Ты молодец, что решил поделиться с братом.

– Я поделился бы и с тобой, Отец, – сказал Юлий. – Просто не успел.

– Что означает этот голос из Океана? – спросил Иосиф. – Мы не знали, что Океан может говорить. И что означают его слова?

– Говорил не Океан, – ответил Отец.

– А кто? – хором спросили братья.

– Пока неизвестно.

Юлий шагнул к лодке и поднял прислоненный к борту метатель Белого Огня.

– Отец, мы с Иосифом прогоним Валуна, вернемся и придем в дом. Там расскажем всем остальным.

– Нет! Не уплывайте! – быстро и тревожно сказал Отец.

Юлий и Иосиф переглянулись. Оба они не помнили, чтобы Отец когда-либо беспокоился.

– Мы в опасности? – спросил Иосиф.

– Этот Валун не стоит встречать в лодке, – ответил Отец. – Возвращайтесь в Дом. Вместо того, чтобы его прогонять, наш остров сам поплывет в сторону и разминется с Валуном.

– Разве это возможно? – удивился Юлий. – Ведь остров не лодка, у него нет руля и мотора.

– Возвращайтесь в Дом. Скорее. – повторил Отец, и его голос растаял с последним словом.

Почти сразу же после слов Отца остров начал качаться – сначала едва заметно, потом сильнее и сильнее. На поверхности Океана возникла матовая черная рябь – “волны тяготения”.

– Пойдем, брат. Пойдем скорее! – потянул его Иосиф за рукав куртки.

Борясь с головокружением, они поспешили к входу в Дом.

## Глава 2

В комнате возле тумбы с прахом Отца уже собрались все остальные братья и сестры. Прекрасная, светловолосая Анна, всегда серьезная Вера с острым взглядом и заплетенными в длинную косу черными волосами, бородатый силач Герман, хладнокровный худощавый Михаил – и даже чтец Ян, самый скрытный член Семьи, которого Юлий видел реже остальных. Братья и сестры стояли полукругом, держась близко друг к другу и смотря на тумбу, а внутри прозрачного шара на ее верхушке горел ровный голубоватый свет. Это означало, что дух Отца уже здесь, и он хочет говорить со всеми членами Семьи сразу.

Услышав входящих Юлия и Иосифа, чтец Ян повернулся к ним и коротко кивнул.

– Хорошо, что вы не успели уплыть, – сказал он.

Братья подошли к остальным и тоже встали в полукруг возле тумбы. Свет в прозрачном шаре стал ярче, и, наконец, голос Отца раздался в комнате. Он был не особенно громким, но мощным, проникающим в разум, притягивающим внимание; и в то же время добрым, заботливым, мудрым.

– Дети, мы плывем по Океану уже очень давно, – сказал Отец. – Очень, очень давно... Скажите, помнит ли кто-нибудь из вас, с чего началось путешествие?

– Ты говорил нам, что мы плывем из тех краев, где есть

источники света в небе, – басом сказал силач Герман. – Из мест, где много вещества и энергии.

– Ты сказал, что мы должны изучить Океан, и поэтому отправились в это путешествие, – добавил Михаил, старший брат.

– Да, правильно. Так я вам сказал, – отозвался Отец.

– Разве это не правда? – своим звонким голосом спросила красавица Анна.

– Конечно, правда, – строго возразил Ян. – Отец всегда говорит только правду. Дух не может лгать.

– Это правда, – сказал Отец. – Но я не просил вас пересказывать то, что я рассказывал. Я хочу знать, что помните вы. Вы лично, каждый из вас. Вы помните начало путешествия?

– Нет... – вместе ответили все братья и сестры, и их голоса слились в единый хор.

– Что вы знаете о себе? – немного помолчав, спросил Отец.

– Я Михаил. Я лекарь и исследователь. Я старший брат и глава Семьи. Мне пятьдесят лет, – тотчас же ответил Михаил.

– Я – чтец. Мне сорок пять лет. Мое имя Ян. Я должен сохранять знания, – торжественно проговорил Ян.

– Я – Анна. Я делаю ткань, слежу за состоянием воды и еды. Вы все носите куртки, которые я шью. Мне двадцать шесть...

– Я – Вера. Мне двадцать девять. Я гадалка. Предсказы-

вать и предполагать – моя работа...

– Мое имя Юлий. Мне двадцать девять лет. Мое дело – лодки, охота, защита. – сказал Юлий, когда до него дошла очередь. Он смотрел на лицо каждого члена Семьи во время объявления имен. Светочи на лбах каждого брата и каждой сестры начинали слегка мерцать после того, как были сказаны слова. Мерцание продолжалось пару секунд, а затем светоч снова горел ровно. “Какие удивительные и странные предметы – эти светочи, – вдруг подумал Юлий. – Почему они иногда горят ровно, а иногда – мерцают? Почему меняют оттенки? Почему их невозможно снять со лба? Почему они разгораются, когда мы приближаемся к тумбе с прахом Отца”...

– Я – Герман, – раздался в комнате гулкий бас силача. – Мне сорок. Я кузнец и мастер устройств. Я могу что угодно починить или собрать.

– А я – Иосиф. Мне двадцать пять. Я младший брат. Я стрелок и дозорный...

После того, как высказались все, на несколько секунд шар на верхушке тумбы горел намного ярче обычного, так, что было даже больно смотреть. Но никто не отвернулся, и свет постепенно потускнел до нормальной яркости.

Дом ощутимо качнуло, Юлий почувствовал, как пол словно уходит из-под ног. Слегка разведя руки в стороны для равновесия, он удержался на месте и ничего не сказал. Однако, по лицам остальных, он видел, что Страх возрастает.

– Вы все знаете, сколько вам лет, – сказал Отец. – Вы знаете свое предназначение. Но вы помните только малое количество дней. Меньшее, чем даже один год вашей жизни.

– Все именно так, Отец, – ответил Михаил. – Ты ведь говорил, что это из-за Океана. Океан воздействует на разум, вызывает Страх. Память защищается от Страх, чтобы не разрушились наши мысли, и мы не сошли с ума.

– Теперь пришло время изменений, дети, – объявил Отец. – Нам всем, возможно, придется впустить в свою жизнь больше Страх.

– Почему? Что случилось? Что изменилось? – наперебой заговорили Иосиф, Анна и Герман.

Гадалка Вера обвела всех своим острым взглядом.

– Океан изменился, – сказала она.

– Да, Океан изменился, – подтвердил Отец. – В последнее время Океан становился все более пустым. Валуны попадались все реже – но были все более мощными... и странными. Сегодня мы увидели очень странный Валун. И еще Юлий слышал из Океана Голос.

Все обернулись на Юлия и посмотрели на него. Юлий потупил взор, он боялся увидеть недоверие в глазах кого-то из братьев и сестер.

– Я позвал вас чтобы предупредить, – продолжал Отец. – Возможно, скоро мы достигнем цели нашего путешествия. Может быть, понадобятся смелые, решительные действия. Возможно, Океан будет враждебен нам. Океан – или, воз-

можно, некие силы в Океане, о которых мы пока не знаем. Скоро я расскажу вам больше. Старайтесь не бояться, когда услышите и увидите то, что вам непривычно. Не поддавайтесь Страху. Помните, наш Дом крепок, а мы как Семья – сильны. Я буду чаще говорить с вами – и всеми вместе, и порознь. Я буду предупреждать обо всех изменениях. Заготовьте как можно больше снарядов с Белым Огнем. И не покидайте остров. Сейчас это опасно.

– Кого мы опасаемся, Отец? – спросил Герман.

– Скоро нам всем станет это известно. – помолчав, проговорил Отец, и после этого прозрачный шар померк. Беседа была окончена.

Выйдя из комнаты с прахом Отца, Юлий не сразу пошел к себе. Пройдя через коридор в привратный зал, он сел в кресло возле большого окна и обвел взглядом стены и потолок.

Массивная двойная входная дверь – ее часто называли Вратами – располагалась в конце короткого пустого хода. За этой дверью были холод, тьма и Океан. Там, снаружи, все было холодным и суровым, смертельно опасным для человеческого тела – поэтому и приходилось носить куртки с капюшонами. Но внутри Дома были и тепло, и свет. Дом питался энергией Белого Огня. Эта энергия зажигала потолочные и стенные светильники, грела воздух, помогала готовить еду. Юлий знал, что все устройства питает растворенный Белый Огонь, который течет по тонким трубкам в стенах. Главный

же резервуар был закопан глубоко в землю Острова, где-то под Домом.

Стены Дома были массивными и прочными, Врата казались неприступными – но в эти минуты Юлию думалось, что в сравнении с холодной безграничной мощью Океана их жилище – всего лишь ничтожная скорлупка.

“Неужели Дом в опасности?.. Отец сказал, что многое может измениться. Да, моя жизнь однообразна и полна Страха, но я почему-то не хочу перемен. Я держусь за этот привычный уклад, за Дом, Семью и распределение ролей. Вернее... вернее, если говорить честно, то я не просто не хочу перемен. Я их боюсь. Очень боюсь...”

Заслышав шорох шагов, Юлий поднял голову. В комнату вошел Иосиф.

– Мы снова вдвоем, брат, – улыбнулся Юлий. – Сегодня наши пути пересекаются.

– Это неспроста, – ответил Иосиф. – Я очень хочу поговорить.

– О чем?

Иосиф многозначительно посмотрел на него и вдруг молча дал знак рукой, приглашая следовать за собой, а затем повернулся и устремился в коридор.

Ничего не успевший понять, Юлий все же встал и последовал за ним. “Наверное, брата встревожили дурные вести, вот он и ищет поддержки, а сам стесняется своей минутной слабости”, – подумал он.

Иосиф поднялся по узкой лестнице на второй этаж Дома, где располагались мастерские. Сперва Юлию казалось, что брат ведет его в свою оружейную комнату, но Иосиф прошел мимо нее и остановился возле массивной двери, ведущей в кузницу.

– Нам сюда, – бросил он через плечо и открыл дверь.

Юлий зашел вслед за Иосифом в кузнечную мастерскую Германа. Это была просторная комната с низким потолком, почти полностью заставленная разными металлическими приборами, орудиями и заготовками. Вдоль стен стояли причудливые шкафы и стеллажи, забитые ящиками.

– Постарайся ничего не задеть, – оглянувшись, сказал Иосиф.

Юлий закрыл за собой дверь, и почему-то сразу же погас потолочный светильник. Комната сразу стала казаться больше – лучи светочей не могли выхватить из темноты весь ее объем, отчего стены отодвинулись дальше в сумрак. Через небольшое окно проникал рассеянный свет от дозорного фонаря Башни, но и он был почти бессилён.

Юлию стало очень неудобно в этом заставленном непонятными вещами помещении. Но Иосиф, похоже, бывал здесь часто и отлично ориентировался в полутьме. “Неудивительно, ведь он сдружился с Германом гораздо сильнее, чем я”, – подумал Юлий.

– Вот она, – сказал Иосиф, доставая с нижней полки стеллажа странный стеклянный предмет. Это была закрытая тол-

стостенная банка с игольчатыми выростами на внутренней стороне стекла. В самой выпуклой части банка была перехвачена металлической лентой, на которой крепился металлический винт.

– Иди сюда, Юлий! Подойди близко!

Юлий послушался, и как только он приблизился на расстояние вытянутой руки, Иосиф повернул винт на ленте, и сосуд вдруг вспыхнул оранжевым светом. Иосиф удовлетворенно улыбнулся и заговорщицким взглядом посмотрел на брата.

– Вот так. Когда стоим не дальше трех шагов от этой лампы, нас нельзя увидеть или услышать. Ее Герман сделал. Я ему верю. Теперь никто не может за нами следить. Даже Отец...

От лампы исходило явное тепло, а кожа, на которую падал ее свет, неприятно зудела. Юлий поморщился и хотел было отстраниться, но Иосиф, наоборот, придвинулся к нему почти вплотную, быстро огляделся по сторонам и, сильно понизив голос, спросил:

– Скажи... Ты любишь Отца?

Юлий нахмурился и удивленно замолчал. Это был странный вопрос: на его памяти члены Семьи никогда не говорили вслух даже о чувствах друг к другу, тем более к давно ставшему бесплотным призраком Отцу.

– Ты любишь Отца? – настойчиво повторил Иосиф.

– Не знаю, как описать мое отношение к Отцу, – поду-

мав, правдиво ответил Юлий. – Ведь я его никогда не видел. Наверное... я не отношусь к нему как к человеку, которого можно любить или ненавидеть. Для меня он как... ну, как некая сила, голос разума, который советует, как лучше поступать. Конечно, я был бы очень расстроен, если бы он вдруг исчез. Я отношусь к нему дружески. Можно сказать, даже доверяю. Уважаю... Но слепо слушаться не буду. Вот, примерно так.

Иосиф закрыл глаза и несколько секунд помолчал, его губы сжались в тонкую линию. Видно было, что он боролся с собой, готовясь сказать что-то очень важное.

– А вот я не доверяю ему, – выговорил он, наконец.

– Почему? – удивился Юлий.

– А ты видел ту... большую Землю, на которой есть свет, тепло и множество людей? – ответил Иосиф вопросом на вопрос. – Ты помнишь тех людей, которые послали нас в плавание? Помнишь их лица, их слова, их советы?

– Нет, конечно, – Юлий пожал плечами. – Ты же знаешь, что не помню. И никто не помнит. Океан стирает память.

– Да? А почему ты так уверен, что это Океан стирает память? Может быть... может быть, это Отец стирает память?...

– Зачем?

– Я не знаю. Но мы слишком многое принимаем на веру от него. Раньше я думал так же, как ты, но потом поговорил с Германом, и он посеял во мне сомнения. Герман тоже по-

дозревает неладное. Поэтому он и собрал эту лампу – чтобы Отец, когда нам нужно, не слышал и не видел нас. Ни Отец, ни кто-либо еще...

– И что вы собираетесь делать с помощью этой лампы?

– По крайней мере – передавать друг другу сведения, которые помогут нам стать свободными...

Юлий нахмурился и сделал шаг в сторону – ему был неприятен зудящий оранжевый свет, и хотелось пройтись по комнате; но Иосиф тут же схватил его за плечо и удержал на месте.

– Нельзя отходить, а то он услышит!

– Иосиф... – Юлий с тревогой посмотрел на брата и осторожно снял его руку с плеча. – Ты подозреваешь Отца в злодеяниях, но ведь еще не было такого случая, чтобы он как-либо вредил нам. Его слова и советы всегда помогают...

– Помогают сохранить все как есть! – с внезапно прорвавшейся злостью возразил Иосиф. – помогают оставаться глупыми послушными детьми без памяти и без цели. Зачем мы плывем по этому бескрайнему Океану? Куда мы плывем? Что будет с нами там, когда мы, наконец, доплывем?.. А что если нас ведут в ловушку? И весь этот Остров – просто большой капкан, а мы – угодившие в него жертвы! Я знаю, что это только предположение, но подумай, брат, ведь и то, во что веришь ты – такое же предположение! Где доказательства тех слов, что вдалбливает нам Отец все это время?!

Юлий молчал, потрясенно глядя на Иосифа. Его не убеди-

ли доводы брата, но сам факт такого разрушительного подозрения внутри Семьи оказался для него совершенно неожиданным.

– Подумай обо всем этом, брат, – сказал Иосиф, пристально смотря на него. – Я верю тебе, знаю, что ты не предашь в случае опасности. А то, что опасность близка – это чувствуем все мы. Скоро что-то случится. Тот голос, что ты слышал...

– По-твоему, это голос какого-то хищника? Неужели ты думаешь, что Отец специально ведет нас к нему? – прошептал Юлий.

Иосиф горько усмехнулся.

– А кто такой Отец? Был ли у нас на самом деле общий Отец? Что лежит там в этой тумбе? Иногда мне очень хочется это проверить...

– Брат! Не делай поспешных выводов, – помолчав, тихо сказал Юлий. – Страх проникает в нас все глубже. Я это чувствую. Он пытается управлять и нашими мыслями тоже. Вызывает подозрительность, тревогу, желание защищаться... Твои слова очень расстроили меня. Теперь я знаю, что в Семье нет единства. Я подумаю над этим.

Иосиф мрачно кивнул.

– У нас много Белого Огня, – сказал он, глядя мимо плеча Юлия на стеллажи кузницы. – И я, и Герман, и ты – мы трое прекрасно обращаемся с оружием. Помни – если ситуация выйдет из-под контроля, именно мы должны будем защитить остальных. Не Отец – а мы с тобой.

Он несколько секунд многозначительно смотрел на Юлия, затем быстрым движением крутанул винт на оранжевой лампе, и она медленно потухла.

– Вот, так и выглядит кузница нашего старшего брата, – неожиданно веселым, будничным тоном проговорил Иосиф, криво усмехнувшись и подмигивая Юлию.

Юлий кивнул в ответ.

– Прости меня, брат... Я должен побыть один. Последние новости такие странные. Нужно подумать обо всем,

Отвернувшись, он медленно пошел к выходу, стараясь держаться подальше от металлических конструкций на полках.

Когда отмеряющая время светящаяся стрелка над тумбой Отца добиралась до верхней части циферблата, в Семье было принято спать. Оставался дозорный в башне – чаще всего Иосиф или Анна – а остальные братья и сестры отдыхали в своих комнатах. Как правило, Юлий приходил в свою тесную каморку утомленным после плавания по черным водам Океана и очень быстро засыпал, но в этот раз было не так. Разговоры с Отцом и с Иосифом оставались в памяти, произнесенные слова казались наполненными каким-то скрытым, зловещим смыслом. Внутренним чувством, не зависящим от рассудка, Юлий ощущал, что близится важная перемена.

Он лежал на спине, смотря неподвижным взором на шероховатую, чуть вогнутую поверхность потолка. Почему-то

он никогда раньше не задумывался, что там, наверху, над его комнатой?... Дом снаружи казался таким массивным. Его покатые наклонные стены прорезали окна, но то были окна общих комнат и коридоров; он знал, где они расположены и представлял их во внутреннем устройстве здания. А вот свою личную комнату он не мог умственно расположить, не понимал, с какой стороны дома она находится... У других братьев и сестер тоже были маленькие комнаты без окон, к комнатам вели длинные узкие коридоры. Почему Дом устроен именно так? Юлий решил обязательно спросить об этом Отца. Может быть, в Доме есть какие-то тайные помещения? Комнаты, коридоры, залы, в которые никто из Семьи не заходил?... Если так, то зачем они нужны? Может быть, там живет кто-то еще?...

От этих мыслей Юлию стало не по себе, и он усилием воли попытался заставить себя ни о чем не думать. Сосредоточил взор на неровностях потолка, стал медленно качать головой из стороны в сторону – и тени от светоча стали мерно колебаться, как будто танцуя в хороводе на грубой штукатурке. Эти тени становились все более размытыми, темными – и вот, наконец, сгустилась темнота, а в ней было только ровное биение его, Юлия, сердца.

Сперва он спал спокойно и мирно, без снов и мыслей, отдыхая и набираясь сил. Но затем все изменилось. Юлий снова ощутил себя думающим, рассуждающим о себе самом. Он ощущал все ту же привычную тьму, какую всегда можно ви-

деть с зажмуренными глазами – но при этом не мог открыть глаз, не мог пошевелиться, не чувствовал своего тела. Как будто все вокруг него – исчезло: дом, остров, кровать и стены, даже он сам, его человеческая плоть. Осталось только сознание.

Юлию стало страшно. Он попытался бороться со страхом, организовать свои мысли, не дать бессильному отчаянию разорвать душу на невесомые пылевые частицы.

Тебя зовут Юлий, ты человек. Ты отличаешься от пустоты. Ты цельный. Ты живой. Это просто сон...

И тут он ощутил, что меняется сама темнота. Из бесконечной черной бездны стало появляться нечто. Оно не приближалось издали, а как бы росло, формировалось, сгущая пространство прямо перед ним. Что-то огромное и непонятное, не имеющее частей и органов, состоящее только из... пустоты, более пустой и черной, чем окружающая тьма. Юлий чувствовал себя ничтожной пылинкой рядом с этим громадным феноменом – хотя его величину не с чем было сравнить, он был уверен в том, что оно очень большое и очень могущественное.

Затем он ощутил исходящий от этого Нечто вопрос.

Знает ли маленькое существо о том, где находится исток? Представляет ли Соединение, через которое все выливается и входит одновременно? Маленькое существо специально идет к нему? В этом его цель? Маленькое существо способно мыслить вне своего вещественного ограничителя? Знает

ли оно истинные пределы разума? Понимает ли оно исходную и конечную координаты своего существования? Видит ли различие в направлении, разницу между началом и окончанием?...

Юлий ничего не понимал, ничего не мог ответить, он знал только, что этот поток чуждого разума, пробивающий навыворот всю его душу, был невыносим для его собственного “я”. Собрал всю свою ментальную силу в один дрожащий, вибрирующий комочек, он закричал – сперва беззвучно, не слыша себя; но затем сквозь черную тьму стал прорываться его собственный голос, звук разметал облако пустоты и принес свет, ощущения и контроль над собственным телом.

Юлий рывком поднялся на своей постели. Его лоб покрывала испарина, одежда промокла насквозь, все тело дрожало мелкой дрожью.

Он встал и сделал пару шагов по комнате. Вернее, попытался сделать – с первым же шагом навалилось такое сильное и внезапное головокружение, что ноги тотчас же подломились – и он рухнул бы на пол, если бы его не подхватили руки сестры Веры, за миг до того вошедшей в комнату.

Вслед за Верой вошел и старший брат, теще Ян. Их комнаты были недалеко от комнаты Юлия – видимо, они слышали его крик.

– Что с тобой, Юлий? – воскликнула Вера, нежно, но крепко удерживая его.

– Я видел... – пробормотал Юлий, трясая головой и беспо-

рядочно шаря взглядом по комнате. – Видел того, кто говорил со мной.

– Как видел? Когда? – резко спросил Ян. Его лицо было тревожным и осунувшимся, совсем не таким важным и загадочным, каким Яна обычно видели члены Семьи.

Вместо ответа, Юлий вдруг беззвучно заплакал.

Вера переглянулась с Яном, и они, больше не задавая вопросов, усадили Юлия на кровать и сели рядом – так, чтобы брат чувствовал их близость и мог держать сестру за руку.

– Я сам не понимаю, – с досадой в голосе сказал Юлий несколько минут спустя. – Я не понимаю, почему я так сильно ужаснулся из-за этого сна. Тут что-то... что-то не связанное со смыслом. Ведь оно не говорило ничего угрожающего. Это как колдовство. Или огонь. Он обжигает – и все. Так и этот страх. Он просто есть. Он исходит от него. Я не могу объяснить...

Он все еще сидел на своей кровати. Вера и Ян, все это время остававшиеся в его комнате, теперь пересели на стулья и расположились напротив друг друга. Слушая рассказ Юлия о странном сне, они чаще смотрели друг на друга, чем на него, и между ними, казалось, происходил какой-то немой разговор.

– Вы что, знаете, что происходит? – спросил Юлий. – У меня такое ощущение, что вы уже слышали о чем-то подобном.

Вера повернулась к нему, и ее лицо оказалось в тени, но светоч на ее лбу мягко мерцал, а в глазах искрами отражались огоньки светочей Юлия и Яна.

– Я много думала над тем, что происходит. – сказала она. – Мне не дает покоя этот голос, что слышен из Океана. И эти сны – они приходили и ко мне. И к другим братьям. Не так явно и не так сильно, как сейчас к тебе. Эти сны несут странные образы, вопросы и мысли.

– Но я не понимаю, о чем эти мысли! О чем говорил этот призрак?

– О пустоте и Океане, – ответила Вера. – О существах, которые могут там обитать...

– Разве наши исследования не говорят о том, что Океан абсолютно пуст? – отозвался Ян.

– То, что написано в ученых книгах, не всегда совпадает с тем, что есть на самом деле, брат. Поэтому в нашей семье есть я. Та, которая должна не знать, а чувствовать и предполагать, руководствоваться чувствами, а не исследованиями.

– И что же ты чувствуешь? – холодным тоном спросил Ян.

Вера потупила взгляд и несколько секунд молчала. Когда она снова заговорила, ее голос стал звучать словно медленная мелодичная песня. Красивая песня, но Юлию было, почему-то, страшно ее слушать.

– Моя память не такая чистая, как у вас. Я еще помню некоторые образы из жизни, полной света. Отец рассказывает мне иногда о тех временах, и тогда эти образы всплывают

в памяти.

Там, невообразимо далеко, в мире есть синий, теплый, пронизанный светом Океан. Он прекрасный, радостный, полный жизни. Но он такой только на поверхности воды. А глубоко внизу – темно и холодно. Там нет света. Но там живут существа. Разные, большие и маленькие, прекрасные и ужасные. Об одном из них я думала в последние дни. Думала, когда смотрела на наш, черный Океан.

Оно огромное и могучее. Самое большое из всех живущих. Его тело намного больше, чем у человека. Во много сотен раз. Оно похоже на длинный валун, на живую скалу, из которой нет выступающих частей, рук, ног или ушей, как у нас с вами. Но оно разумно. Оно слышит и чувствует все, что происходит в Океане. Чувствует, когда там, в темной бездне, движется какая-нибудь маленькая живая жертва. Плышет за ней – и пожирает. Его голос громкий и страшный, он пронизывает и воду и живых существ. Оно кричит своим жутким голосом, и по эху, что доносится до его слуха, чувствует, где находятся его жертвы. Оно охотится – не со зла и не потому, что желает держать обитателей бездны в страхе. Оно такое, какое есть, оно живет так, как должно. Это существо никого не боится. Повелитель бездны, законодатель темного пространства. Хозяин Океана.

– Как зовут это существо? – тихо спросил Юлий, когда Вера замолчала.

– Кашалот, – сказала она.

– Кашалот... – повторил Ян.

Вера пристально посмотрела сначала на старшего брата, затем на Юлия. Она была очень красивой, но ее красота в эти мгновения навевала тревожное чувство.

– Когда ты, Юлий, говорил о голосе из Океана, я вспомнила этот образ. И теперь он растет в моем разуме. Мне кажется, что мы все – маленькие существа, заблудившиеся в темной бездне. А где-то здесь, уже неподалеку – плывет Хозяин Океана... И он слышит нас.

Ян вдруг резким движением встал со своего кресла и помотал головой.

– Вера, ты красиво рассказываешь, но мы не нуждаемся в сказках. Пока что Валуны не несли опасности. Они были просто сгустками воды. Океан пуст. Мы в середине пустоты. Это страшно... но страшна именно пустота. Не какие-то мифы о гигантских хищных повелителях. Это пустота. Она вызывает в нас весь этот Страх. Ощущение бездны висит над нами. Мы не ожидали такого воздействия на наши головы. Ни мы, ни даже Отец. Мы стадные животные... Пусть это звучит грубо, но это так. Оказавшись невообразимо далеко, там где нет света, где нет таких же, как мы, мы впадаем в безумие. Отсюда и Страх, и голоса, и мысли о чудовищах...

– Я не боюсь, – возразила Вера. – И не впадаю в безумие. Я говорю о том, что предчувствую. Океан был пуст на нашем пути – но это не значит, что он пуст везде. Мои ощущения не менее ценны, чем твои ученые выводы.

– И что же ты предлагаешь? – спросил он с раздражением в голосе. – Запугивать всех остальных сказкой о Кашалоте? Зачем?

– Мы должны быть готовы к тому, что увидим в конце пути, – ответила Вера. – Должны суметь в нужный момент справиться со страхом и принять правду.

– То есть позволить этому “хозяину” нас сожрать?

Вера осуждающе посмотрела на старшего брата.

– Нет. Но не стоит его злить. Возможно, с ним удастся поговорить. Возможно, он видит в нас только жертву, а может и нет. Мы бессильны в сравнении с ним. Мы можем или убежать, или вступить в контакт с ним. Узнать от самого Океана, что есть этот Океан, что это за Соединение, о котором он говорит... Узнать, что мы можем здесь найти.

Ян покачал головой и усмехнулся, а затем, не говоря больше ни слова, вышел из комнаты. Вера обратила свои блестящие глаза к Юлию, и он увидел, как по ее щеке течет слезинка.

– Я прогоню этого Кашалота, Вера, – вдруг сказал он неожиданно для самого себя. – Не сомневайся и не бойся. Пусть он и Хозяин, но мы – Семья, и мы не дадим друг друга в обиду.

Сказав эти слова, Юлий вышел из комнаты вслед за братом, и Вера осталась одна.

## Глава 3

В большой общей зале Юлий застал Михаила и Германа – двоих старших братьев, признанных лидеров и самых авторитетных членов Семьи. Лекарь Михаил, самый старший брат, стоял возле карты Океана, расположенной на большом круглом столе. Михаил был высоким худошавым человеком с пронзительными глазами, холодным взглядом и и седеющими волосами. Он всегда казался уставшим, часто сутулился, медленно двигался, как будто борясь со слабостью, и от этого казался еще старше; но в его лице и во взгляде всегда чувствовались мощная воля, энергия разума и повелительный настрой. Юлий не помнил ни одного случая, чтобы кто-нибудь осмеливался повышать голос или перебивать Михаила – даже Герман и Ян, которые сами были очень волевыми людьми.

Кузнец Герман расположился на скамье вдоль стены, поодаль от освещаемого потолочным светильником стола. Чернобородый силач сидел, скрестив мускулистые руки на груди и недовольно, исподлобья смотрел на склонившегося над картой Михаила.

– Братья, – обратился к ним Юлий, едва переступив порог залы. – Я уверен, что нам всем нужно приготовиться к тяжелому испытанию. Дом в опасности.

Михаил и Герман одновременно повернули головы в его

сторону. На их лицах он не прочел ни удивления, ни испуга, но все же оба выглядели огорченными.

– Отец говорил с тобой отдельно? – спросил Михаил.

– Нет. Ну... то есть, не говорил после того общего разговора. Но со мной снова говорил... некто внешний. Кто-то из Океана.

Михаил и Герман переглянулись.

– Вот видишь! – своим гулким басом выговорил кузнец. – Еще один признак.

– Признак чего? – невесело усмехнулся Михаил. – Признак разумной жизни? Или признак нашего общего безумия?

– Ты вечно во всем сомневаешься! – проворчал Герман.

– Да, органы чувств могут обманывать. И сила может обмануть, Герман. Если мы все начинаем ощущать тревогу – то это означает только то, что на наши головы, на наш разум что-то влияет. Возможно, это действительно некое живое разумное существо, которое охотится за нами или просто хочет поговорить – я знаю, что ты ждешь именно такой встречи. И Юлий, судя по всему, тоже... – Михаил кивнул головой младшему брату, который остановился на краю освещенного пятна вблизи стола.

– Я жду только одного – чтоб мы вернулись из этого осточертевшего плавания живыми, – недовольно отозвался кузнец.

– Но если обратиться к накопленному опыту, – спокой-

но продолжал Михаил, никак не отреагировав на реплику Германа. – Если посмотреть на карту Океана, которую мы составляли все эти годы, то мы увидим, что водная бездна, в которой мы плывем, лишена какой-бы то ни было жизни. Здесь нет живых существ, нет цепочки пищи, нет растений, нет животных, им нечем питаться, им нечего здесь делать, понимаешь? Валуны, которые мы встречали все это время – это скопления вещества, подчиняющиеся законам мертвой природы.

Михаил вытянул руку и показал на карту. Там на ровном сером полотне были разбросаны редкие черные точки. С краю карты – на внешнем рубеже Океана – этих точек было достаточно много, но ближе к центру их становилось все меньше и меньше, а вокруг места, где в карту была воткнута крупная булавка с мерцающим желтоватым огоньком, уже было почти совсем пусто – только одна черная точка прямо рядом с булавкой.

– Они не живые и уж точно не разумные, – продолжал Михаил. – Однако они обладают свойствами – испускают волны тяготения и другие виды силы, которые заметно действуют на нас. Эта мертвая сила меняет нашу способность мыслить. Она как-то разрушает связи между мыслями в голове. Вызывает комплекс чувств, разрушающий сознание. Мы называем этот комплекс Страхом – но это скорее болезнь, а не страх. Болезнь, порождаемая Океаном. Она у нас внутри. Понимаете? Чудовища, о которых вы грезите – скорее всего,

это призраки, порожденные нашим больным разумом.

– Я толком не понимаю, что происходит, – вставил Юлий. – Но мой разум не в состоянии породить такие образы, которые я видел. Это точно не от меня.

– Тебе так кажется, Юлий, – покровительственно отрезал Михаил. – Мы все здесь неглупые люди с развитым воображением, с богатством ощущения и знаний. Сейчас ты многого не помнишь. Но поверь мне, твой разум способен на многое.

Герман встал со скамьи и двумя стремительными шагами подошел к карте.

– А это тогда что? – тихо, но яростно спросил он, направляя указательный палец на черную точку возле обозначающей Остров булавки. – Это тоже у нас в головах? Иосиф его видел. Отец его видел. Самый большой Валун. Это от него весь этот Страх и голоса от него тоже. Это какая-то жадная зверюга, она хочет нас сожрать, вот я как думаю! А ты, братец, слишком долго занимался копанием в самом себе и разучился видеть опасность за окнами!..

Михаил спокойно и холодно смотрел на Германа. Кузнец несколько секунд, явно сдерживая злость, смотрел в глаза старшего брата, но затем перевел дыхание и опустил взгляд.

– Хорошо, – сказал Михаил. – Пусть так. Жадная зверюга. Но Отец уже увел остров от столкновения. Мы уплываем от него. Чего же ты хочешь?

– Я не хочу от него убегать! – вдруг во весь голос рявкнул

Герман. И, переведя дыхание, продолжал уже более спокойным тоном:

– У нас достаточно Белого Огня. Иосиф, Юлий и я отлично стреляем. Нельзя позволить какому-то гаду нас бесконечно преследовать и истязать Страхом! Я предлагаю – развернемся, пойдем напролом, встретим его и выжжем из него весь этот Страх! Вам не надоело бояться? Мне – очень надоело!

– Я же тебе говорю – Страх это болезнь, его вызывает сама природа! – вдруг повысил голос Михаил. – Именно из-за страха мы ничего не помним и живем как малые дети! Ты хочешь подойти к источнику этой заразы вплотную? Чтобы мы совсем сошли с ума и погибли?

– Если позволим изматывать себя – все равно погибнем!..

– Ты – кузнец и силач, Герман, но не тебе планировать наперед! Занимайся своим делом!

– А ты хоть и старший, Михаил, но я тебе не слуга! Если вижу, что ты тянешь Семью не туда, я не буду молчать! Много лет мы таскаемся по этой постылой воде, и вот сейчас есть шанс пристрелить того, кто всему виной! Я не хочу убегать!

Братья замолчали, сердито смотря друг на друга. Юлий шагнул вперед, намереваясь сказать что-нибудь примирительное...

Но в следующую секунду его как будто что-то сильно толкнуло в спину – он качнулся вперед и, не удержавшись на ногах, упал лицом вниз. Едва не разбив голову о край стола,

он в последний момент успел подставить руки и смягчить удар о каменный пол.

Раздался грохот. Протяжно и гулко затрещали стены залы.

– Что это? Что происходит? – раздался бас Германа, но его перекрыл мощный рев, заполнивший все пространство Дома.

Этот звук был не особенно громким, но таким мощным, что проникал сквозь толстые стены и заставлял заметно вибрировать пол. Очень низкий, ровный, медленно нарастающий гул.

– На нас нападают! – снова прорычал голос Германа.

– Отец! – вдруг воскликнул Юлий, приподнимаясь на четвереньки и озираясь по сторонам, как будто ища воплотившуюся фигуру родителя. – Отец! Ты слышишь? Что происходит?

Отец не ответил. Уж не разбилась ли тумба с его прахом от этой встряски?... Юлий поднялся на ноги и тотчас же почувствовал, что пол не только дрожит, но и ощутимо качается под ногами. Он увидел Германа, ухватившегося обеими руками за край стола. По виску кузнеца стекала струйка крови – видимо, он тоже упал от толчка и ударился головой.

– А где Михаил? – срывающимся голосом вымолвил Юлий.

Глаза Германа расширились – он, видимо, в яростном пылу забыл о старшем брате. Резко обернувшись, он вдруг издал сдавленный крик и бросился в угол комнаты. Юлий по-

следовал за ним.

Михаил лежал навзничь с открытыми глазами, все его тело мелко дрожало, губы шевелились, как будто беззвучно говоря с кем-то.

– Что с ним? – испуганно прошептал Юлий.

Герман опустился на колени рядом с братом и несколько секунд смотрел на его лицо.

– Михаил! Михаил, что с тобой?... – позвал Юлий.

Михаил продолжал немо шевелить губами. Герман вдруг повернулся к Юлию.

– Брат!... Срочно беги в башню. Заряди большой метатель. Скажи Иосифу – пусть готовится к сражению!

– Но ведь Михаил говорил...

– Нет времени! Скоро все начнется!

Юлий не хотел покидать больного Михаила, но глаза Германа засверкали такой решимостью, что он не решился перечить. Круто развернувшись, он со всех ног побежал к выходу в общий коридор. Там были двери на лестницы к жилым комнатам, проем привратного зала, напротив него – проход к залу с тумбой Отца, а в дальнем конце коридора начиналась винтовая лестница на Башню.

Юлий побежал было к этой лестнице, но вдруг приостановился напротив комнаты Отца.

“Все-таки Отец самый мудрый из нас! Он подскажет, как поступать правильно”...

Он сделал несколько шагов вправо, перешел порог ком-

наты – и, увидев то, что там происходило, не сумел сдержать изумленный возглас.

Тумба с прахом Отца была охвачена голубоватым свечением. Ее передняя поверхность была прорезана большой трещиной, из которой снопами вырывались голубые искры. Раздавался сухой треск, а кристальный шар наверху тумбы слабо и неровно мерцал, как будто теряя силу с каждой секундой.

– Отец!.. – испуганно проговорил Юлий. – Что с тобой? На тебя кто-то напал? Как помочь?

Раздался протяжный звук, как будто стон, дробный, распадающийся на звенящие буквы и обрывки слов. Голос Отца – Юлий узнал его – но искаженный и отдающий металлом, потерявший всю прежнюю величавость. Ничего нельзя было разобрать.

– Отец! Что нам делать?...

Юлий осекся и замер, заметив внезапное движение у подножия тумбы. Это было довольно крупное, но очень проворное существо с округлым телом и несколькими парами суставчатых конечностей. Оно выглядело как сделанное из стекла и металла, на его теле горели несколько симметрично посаженных прозрачных кристаллов, словно глаза, а на спине виднелся такой же знак, как и на тумбе – знак Семьи, похожий на цифру “восемь”.

Юлий никогда раньше не видел таких существ в Доме. Вернее, он не помнил ничего о таких существах.

Металлический многоног очень быстро взобрался прямо на отвесную поверхность тумбы и запустил две из своих ног прямо в трещину. Раздалось прерывистое гудение, треск усилился – а затем искры перестали вылетать из трещины, а хрустальный шар на вершине тумбы стал быстро набирать яркость.

“Оно ремонтирует тумбу!” – догадался Юлий. Видимо, это существо было каким-то тайным помощником Отца.

Снова послышался слабый, словно разбитый голос. Отец пытался что-то сказать.

– Я вернусь к тебе, Отец! – крикнул Юлий – Пусть тебе помогут, я скоро вернусь! Герман поручил помочь дозорным в Башне!

Решившись, он выбежал из комнаты и уже без промедления рванулся по винтовой лестнице в Башню.

Там, на вершине, располагалась круглая комната с кольцом широких окон. В комнате стояли несколько приборов для дозора – увеличительных линз. С их помощью можно было видеть в Океане намного дальше, чем невооруженным глазом. Также в центре комнаты стоял поворотный механизм, на котором крепился самый мощный метатель Белого Огня, который был в распоряжении Семьи. С его помощью можно было стрелять через окна Башни и отгонять Валунов.

Возле одного из окон стояли Иосиф и Анна. Иосиф прильнул глазом к линзе увеличительного прибора. Анна, опираясь руками на подоконник, смотрела в окно.

– Что там?! – крикнул Юлий, подбегая к ним. – Что там в Океане?

Иосиф не ответил. Анна на секунду обратилась лицом к Юлию, но сразу же обернулась обратно к Океану, как будто ее что-то притянуло. Юлий никогда раньше не видел младшую сестру такой бледной и испуганной. Он положил руку на ее хрупкое плечо и почувствовал через одежду, как она дрожит.

– Он то всплывает, то исчезает! – сказала Анна. – Огромный! Он как будто растет!

– Валун? Тот самый, который ты видел раньше? – обратился Юлий к Иосифу; но тот все не отвечал, как будто приклеившись к линзе.

– Мы не понимаем... – жалобно ответила Анна. – Он меняется. И он... как будто плюется в нас чем-то... прозрачным. Как будто снарядами, но из пустоты.

– Как это?

– Сама не понимаю. Но Дом разрушается от этого.

Юлий стиснул зубы. Мешала мыслить бессильная ярость, смешанная с болезненным страхом, о котором говорил Михаил несколько минут назад. Он попытался привести в порядок свои эмоции, напомнил себе, что он старше, что он должен успокоить брата и сестру..

Иосиф издал сдавленный вскрик и схватился обеими руками за увеличительную линзу.

– Ну что? Что теперь? Ты его снова увидел? – вцепилась

в его плечо Анна.

Иосиф отвел линзу от глаз. Его лицо было очень бледным, губы явственно дрожали.

– Да, увидел. Он плывет сюда.

– То есть, мы не смогли уклониться? – Юлий положил руку на линзу, пытаясь забрать ее себе, но Иосиф не давал.

– Не надо, не смотри, – прошептал он.

– Почему? Что я, Валунов не видел?

– Не знаю... Не стоит лишний раз смотреть. Он... Как-то действует на нас.

Юлий замолчал, с невольным испугом смотря на брата. У Иосифа начали стучать зубы, он вдруг покачнулся и выпустил из рук линзу.

– Я позову Германа! – быстро сказала Анна. – Герман нас всех защитит. Он сможет!

Она бросилась вниз по винтовой лестнице, но не успела пройти и пяти ступеней, как Дом снова сильно содрогнулся. Анна, вскрикнув, упала, ударилась всем телом о стену лестничного пролета и покатила бы по лестнице вниз, но подоспевший Иосиф успел удержать ее. Юлий, в отличие от Иосифа, не смог удержаться на ногах – его подкосил не только толчок острова, но и нахлынувшее тошнотворное головокружение.

– Что это? – в ужасе простонала Анна. – Остров тонет? Мы все умрем?...

– Нет, дорогая, нет, все будет хорошо... – бормотал

Иосиф, глядя ее по голове.

– Отец! – громко крикнул Юлий, зачем-то подняв взгляд к черному небу в окне. – Отец, ты здесь? Помоги! Уведи остров!

Но Отец ничего не ответил. Пол под ногами больше не качался, но Дом продолжал дрожать мелкой дрожью, и все сильнее становился низкий гул, доносящийся, казалось, со всех сторон сразу.

– Что это за звук? Уже второй раз! Как будто рев, только очень низко... – пробормотал Иосиф.

– Океан! Смотрите! – вдруг крикнул Юлий, указывая на окно.

Иосиф и Анна подобрались ближе к окну и, встав возле большого метателя Белого огня, посмотрели в направлении, указанном Юлием.

Океан волновался. Черная вода мощно и быстро колебалась – причем не весь окружающий Дом Океан, а четко очерченная часть, пока еще довольно далеко от острова. Там, где должен был плыть Валун, теперь были только эти волны. Очень странные, как будто бы живые волны – вода не просто колебалась вверх-вниз, а собиралась в красивые крутящиеся спирали. Самым странным было то, что у границы пятна волнения колебания опадали и исчезали почти мгновенно, так что извне оставалась только очень мелкая рябь.

– Я никогда такого раньше не видела, – прошептала Анна.

– Я тоже, – отозвался Иосиф.

Юлий только кивнул.

– Что с нами будет? – со слезами на глазах, Анна прижалась к брату. Иосиф нежно погладил ее по волосам.

– Не знаю, – честно ответил он.

– Нужно срочно выходить, – решил Юлий. – Возможно, нам придется давать отпор.

Поддерживая друг друга, они спустились по дрожащей лестнице в привратный зал, одели куртки и выбежали на площадку перед Домом. Там уже собрались Вера, Ян и Михаил – они тоже успели надеть защитные прочные куртки с капюшонами, а Ян нес еще и метатель Огня. Светочи у всех троих горели ярко, словно звезды, о которых так любил рассказывать Отец.

– Юлий подбежал к старшему брату Михаилу.

– Что происходит? Где Герман?

– Я тоже слышал тот голос из Океана, – вместо ответа, сказал Михаил. Юлий изумленно посмотрел на брата, разглядев, наконец, что тот выглядит очень изможденным и явно борется со слабостью.

– Ты слышал? И что ты слышал? Что тебе сказали?

– Мне было очень тяжело. Страх вырос так, что я чуть было не помер. Много ярости. Безумных мыслей... Боли... Все – внутри меня. Это не пришло снаружи. Это только из-за того, что я это слышал. Но и ты был прав. С нами кто-то хочет говорить. Возможно, он сам не осознает, что вызывает в нас такую боль. Это происходит само собой. Понимаешь?

– Кажется, понимаю, – потрясенно ответил Юлий.

– Голос говорил, что не желает нам зла. Но мы оказались там, где не должны быть. Здесь нет места таким, как мы. Здесь не должен существовать разум из плоти. Так мне было сказано.

Михаил медленно обвел взглядом всех стоящих рядом. У всех на лицах был написан сильный страх.

– Хозяйин Океана – вдруг сказала Вера своим низким музыкальным голосом. – Мы нашли то, к чему так долго плыли. Но мы не сможем это исследовать. Он не пропустит.

– Пропустит! – раздался ожесточенный голос Германа, и кузнец, наконец, показался из распахнутой двери Дома. На плечах он держал самый большой и мощный метатель, до краев наполненный Белым Огнем.

– Оружие здесь не поможет! Оставь! – тревожно крикнул Михаил, приближаясь к Герману и почему-то поднимая руку к лицу, словно заслоняясь от метателя как от яркого света.

– Не мешай! – со злостью рявкнул Герман. – Мне лучше знать, когда приходит время для оружия!

– Ты испуганный дурак! Думаешь, твои мышцы и твоя злость что-то значат для того, кто к нам приближается? Ты ничем не сможешь навредить ему, только погибнешь зря!

– Посмотрим!

Они стояли лицом к лицу и смотрели друг на друга как настоящие враги, и именно это испугало Юлию больше всего. “Безумие начинает разъедать Семью”, – понял он. Желая

во что бы то ни стало как-нибудь остудить гнев старших братьев, отвлечь их, он шагнул было в их сторону...

Внезапно над островом раздался протяжный гром. Этот звук был такой силы, что завибрировали кости в телах людей, задрожали камни и стены Дома. Братья и сестры пошатнулись, ощутив боль во всем теле. Даже силач Герман болезненно ссутулился и закачался на месте, бессильно опустив метатель...

Гром терзал остров около десяти секунд, затем достиг вершины громкости – и резко стих. Ему на смену пришел мощный шипящий звук, напоминающий грохот падающей воды. Океан вблизи берега резко расступился в стороны – и из темной кипящей бездны вверх стало выдавливаться... что-то не поддающееся точному описанию.

Сперва Юлий видел только громадную угольно-черную лоснящуюся массу – просто невероятно огромное бесформенное тело, больше Дома, больше самого острова. Оно утопало основанием в бурлящем Океане, а само все выросло вверх,гнулось вперед, по направлению к Дому – массивное, вспухшее, словно переполненный мешок, и в то же время необъяснимым образом завершенное в своей форме, даже красивое. Юлий и все остальные замерли, как загипнотизированные, расширенными глазами следя за движениями черной массы. Все чувствовали, что она тоже следит за ними. У нее не было ни малейших признаков глаз, головы или каких-то иных органов, но разумная сила, исходящая от нее,

не подлежала сомнению.

– Кашалот... – простонала Вера, опустившись на колени и продолжая смотреть на чудовище.

“Отец, Отец, помоги нам!” – мысленно умолял Юлий, неспособный открыть рот и позвать вслух. – “Помоги, прогони это, защити нас! Хотя бы поговори с ним, почему ты молчишь?!”...

Он как будто бы услышал далекий и неразборчивый голос Отца – тот повторял какое-то слово, знакомое и короткое; но Юлий не мог разобрать.

Снова раздался рев. Существо, которое Вера назвала Кашалотом, сдвинулось и стало еще ближе к острову. Казалось, что оно хочет навалиться на них своей огромной массой, раздавить и Дом, и всех его обитателей...

Герман издал сдавленный крик, изо всех сил пытаясь распрямиться и развести руки, словно разжимая охватившие его невидимые стальные прутья. Внимание чудовища – почему-то все понимали, куда именно оно “смотрит” – сразу же сконцентрировалось на Германе, и он снова бессильно замер. Все остальные тоже чувствовали мучительное оцепенение и едва могли дышать.

– Нет... – едва различимо выговорил Герман, как будто сквозь зубы, борясь за каждый звук. – Нет, не уйдем... Ты нам... не хозяин...

“Оно говорит с ним!” – понял Юлий, но уже в следующую секунду и сам ощутил, как в его сознание начинают вливать-

ся чужие мысли.

Никто не слышал звуков голоса – но Кашалот говорил с каждым из них одновременно. Это был пугающе странный способ общения – совсем непохожий на то, как говорил с ними Отец. Непохожий на человеческую речь. Гигантское существо – или природное явление, если оно вообще было реальным – сообщало информацию в виде цельных мысленных предложений, без последовательной передачи слово за словом. Как будто поток горячей краски вдруг проливался в разум и сам по себе мгновенно собрался в странную, но цельную картину.

Каждый из братьев и сестер за несколько секунд получил предупреждение от чудовища. Однако, Юлий не мог бы пересказать, в чем точно состоял его смысл. Он как будто запомнил множество образов – разлитая в бесконечной бездне тьма, темнота в темноте, крутящаяся, пульсирующая воронка, из которой исходила опасность. Крохотная белая искра, таящая в себе энергию, внутри этой искры – его, Юлия, мысли, его жизнь... И огромное, гигантское тело рядом с искрой – тело, состоящее из ничего. Оно тянуло к нему бесформенные прозрачные выросты, словно хотело сожрать его и насытить свое пустое тело его веществом... И при этом оно излучало тревогу, беспокойство за него, словно пыталось заявить, что не желает зла...

“Я не понимаю, что я вижу” – Юлий пытался передать существу мысленный ответ. – “Ты только пугаешь нас. Если не

хочешь зла, плыви прочь. Мы не сдадимся без боя”.

Ответные мысли Кашалота были огромны, как сам Океан. Его разум вмещал крохотное мысленное послание Юлия как бесконечное море вмещает каплю воды. В величественном потоке разума, таинственного уверенного в себе могущества, мелькнуло раздражение из-за невежества маленького существа.

Маленькое существо должно обитать в светящихся местах. Там, где много вещества. Не в этой части Создания. Маленькое существо очень близко к Соединению. Дальнейшее приближение может повлечь для маленького существа дезинтеграцию. Выход из Создания через Соединение доступен не каждому. Наиболее вероятна дезинтеграция, не доходя до Соединения. Маленькое существо должно как можно скорее переместиться в свою привычную среду, иначе возврата не будет.

Юлий закричал и закрыл руками уши, затряс головой, изгоняя из своего разума чужие мысли. Возможно, его гнев помог освободиться, или же само существо, почувствовав тщетность своих попыток что-то объяснить, отпустило свою мысленную хватку. Всем стало легче дышать и двигаться.

Бесформенная черная масса продолжала клониться над островом, грозя обрушиться прямо на дом. Возможно, Кашалот лгал, говоря о своей миролюбивости, и таким путем просто удерживал жертв в неподвижности, пронеслось в голове у Юлия.

– Не надуешь, тварь! – закричал Герман и, вдруг с прежней быстротой и мощностью рванулся с места и побежал к кромке берега, напрямую к основанию тела монстра.

– Ты куда?! Зачем? – в неподдельном ужасе крикнул Михаил и тоже метнулся вслед за ним. – Вернись, не трогай его, он не хочет нам повредить!... Он просто...

Юлий побежал к берегу вслед за Германом. Там, возле лодки с мощным метателем, лежали в ящиках запасные заряды Белого Огня и несколько метателей. Юлий очень сомневался в том, что их оружие способно как-то отогнать это кошмарное видение, но не хотел отставать от брата.

– Отец! Прошу, помоги!! – во весь голос закричал он на бегу. Через несколько секунд он догнал и легко перегнал не привыкшего к быстрому бегу Михаила – но Герман добрался до причала намного быстрее их обоих. Когда Юлий подбежал к воде, кузнец уже спускал охотничье суденышко на воду.

Невысокие, но мощные, рваные, как будто дрожащие волны ходили ходуном вокруг острова. До основания гигантского тела, выросшего из Океана, было несколько сотен метров.

– Отец, где же ты!! Что нам делать? – снова позвал Юлий, остановившись возле причала.

– Эта тварь удушила Отца, – рявкнул Герман, даже не обернувшись к Юлию. – Теперь мы сами по себе.

– Что ты хочешь делать? – Юлий схватил силача за плечо. – Михаил не хочет, чтобы мы...

– Забирайся и ты, брат! – велел Герман, быстро взглянув на Юлия; светоч на его лбу горел желто-оранжевым яростным огнем. – Поплывем вдвоем, взрежем брюхо этому черному гаду!

– Стойте, дураки!! – срывающимся голосом закричал подоспевший Михаил. – Стойте, не плывите туда, или погибнете!

– Но мы точно погибнем, если эта гадина навалится на остров! – отозвался Юлий.

– Никакая это не гадина! Это житель Океана! Мы в его владениях!

Герман отодвинул Юлия и, сжимая свой метатель, встал перед Михаилом.

– Это моя забота! – резко сказал он. – Я защищаю Семью. Я и решаю.

– Нет! Я старший, и я говорю, что мы все идем домой! Домой, слышите – иначе смерть!

– Уйди! – Герман, стиснув зубы, с силой оттолкнул брата от лодки. Вскрикнув и неловко взмахнув руками, Михаил отлетел назад, не удержался на ногах и упал на спину, ударившись головой о каменный склон.

– Брат, что ты делаешь! – изумленно воскликнул Юлий. – Зачем ты его так?

– Вот, смотри! Вот зачем! – Герман ткнул рукой вверх, в небо, где над их головами двигалась гигантская угольно черная масса. Тело Кашалота было уже совсем близко – не бо-

лее двух сотен метров от берега, а вытянувшаяся верхняя часть уже нависала над кромкой острова. Ощущение неведомой чуждой силы, исходящее от чудовища, сильно давило на разум, мешало думать и принимать решения. Юлий почувствовал, что ему, как маленькому ребенку, безумно хочется заплакать, съежиться, закрыв руками лицо...

Стальная рука Германа схватила его за плечо, подтолкнула – и в следующую секунду он уже сидел на носу лодки. Суденышко рванулось с места и, прыгая по черным волнам, понеслось напрямиком к Кашалоту. За кормой оставался след из белых искр – это значило, что мотор работает на полной мощности.

– Почувствовал? – кричал Герман, направляющий лодку. – Чувствуешь, как он жрет мысли?! Это хищник! Ты не слышал, что мне сказал этот зверь! Он сказал, куда он хочет нас затянуть! Я понял! Это хуже, чем смерть! И я так просто не сдамся!

Юлий ничего не ответил. Из последних сил он старался не поддаваться влиянию Страх, исходящего от Кашалота. Он положил руку на спусковой механизм бортового метателя и навел раструб на черную громадину чуть выше того места, где она выходила из воды...

Внезапно яркая белая вспышка развеяла тьму прямо перед ними. Искрящиеся волны Белого Огня растеклись по черной бугристой поверхности туши Кашалота – и тут же впитались в нее.

Юлий потряс головой, думая, что у него начинается отказывать рассудок. Он был уверен, что ни он, ни Герман, еще не стреляли.

Но Герман понял, что произошло. Он победно захохотал и погрозил задвигавшейся туше кулаком.

– Вот так! Правильно, братишка! Так его!

“Это Иосиф” – понял Юлий. – “Иосиф стреляет из Башни!”

Новый сполох огня прочертил небо и ударил в чудовище. Оно резко дернулось, по громадной туше поползли морщины.

– А вот сейчас и мы добавим! – заревел Герман, бросая руль и вскидывая на плечо свой метатель. Они подошли примерно на расстояние тридцати метров к монстру. Его тело вблизи оказалось не таким плотным, похожим скорее на очень густой туман, чем на живую плоть. Или, возможно, Кашалот изменил свою структуру при их приближении.

– Получай! – крик Германа слился с треском разряда метателя. Струя Огня ударила в подбрюшье существа у самой воды, и черное тело в месте попадания на секунду вспучилось, а затем опало, сформировав уродливую мерцающую язву.

Юлий выстрелил из бортового метателя, стараясь попасть туда же, куда и Герман. Ему почти удалось – новая рана образовалась прямо вплотную к первой. Снаряды Иосифа, тем временем, били в верхнюю часть гигантского тела.

Раздался чудовищный по силе звук – такой же протяжный рев или гром, который сопровождал появление Кашалота. Раны, нанесенные Германом и Юлием, вдруг потемнели, их края расползлись, и они слились в одну зияющую дыру.

– Получилось! – в один голос воскликнули братья, но их крик пресекся в следующее же мгновение, и они замерли, выпустив из рук оружие.

Из дыры в теле Кашалота хлынул Страх.

Это был направленный на них мощнейший поток невидимой энергии, действующей уже известным образом – вызывая панику, безумную тревогу, спутанность мыслей и желание спрятаться или умереть. Такой Страх излучали Валуны во время охоты – теперь же он был во много раз острее и сильнее. Противостоять было просто невозможно.

– Брат... Отец... Кто-нибудь, помогите, – жалобно простонал Юлий, оседая на дно лодки и закрывая руками уши. Герман не двинулся, но на его лице вместо победного азарта появилось выражение отчаяния.

– Я не хочу туда, – прошептал он, и его губы задрожали.

В следующее мгновение вокруг тела Кашалота выросли неестественно высокие и узкие блестяще-черные волны. Они закрутились, свиваясь в спирали, и круги, вычерчивая странные симметричные фигуры – это движение за пару секунд достигло лодки, и ее начало сильно трясти.

Наступает момент перехода. Маленькое существо мыслит противоречиями и желает взаимоисключающих исходов. Ве-

роятно, разум маленького существа дегенерировал. Безумие приведет к дезинтеграции. Налицо непонимание структуры Создания. Маленькое существо пересекло границу невозврата. Маленькое существо уже не сможет вернуться в исходную среду.

Эти странные слова заполнили разум Юлия, хотя он не понимал их, да и не понимал ровным счетом ничего, подавленный Страхом. Словно во сне, он мог только бессильно наблюдать, как Герман вдруг выпрямился во весь рост, приблизился к борту – а затем, словно подрубленное дерево, молча упал в черную воду. Сперва он скрылся из вида, но затем показался в десятке метров от лодки, окруженный дрожащими кругами и спиральями волн. Движение черной воды подтаскивало безвольное тело Германа прямо к зияющему отверстию в теле огромного существа.

Юлий частью своего парализованного сознания понимал, что должен попытаться спасти брата, эта еще мыслящая часть больше всего на свете желала хотя бы вернуть контроль над собственным телом!.. Хотя бы получить возможность выстрелить Огнем, сделать хоть что-нибудь!..

– Юлий... Юлий... Светоч! Нужно сбросить яркость светоча! Это единственный шанс!

Далекий, искаженный голос вдруг раздался у него в голове. Голос Отца. Где же он был все это время?...

– Потуши светоч!

"Как мне потушить его, если я даже двинуться не могу", –

в отчаянии подумал Юлий... но то ли потому, что разум ободрился из-за возвращения Отца, то ли потому, что Кашалот отвлекся на Германа, Юлий вдруг ощутил в себе толику новой внутренней силы. Он смог медленно, пересиливая тошнотворную слабость, приподняться, ухватился правой рукой за рукоятку бортового метателя, а затем рывком подался вперед и с размаху уткнулся лбом прямо в холодный металл орудия. Удар пришелся точно по светящемуся кристаллу светоча.

Раздался сухой треск, светоч на мгновение вспыхнул слепящим серебристым огнем, но затем неровно замигал – и вдруг свет резко ослабел, почти потух. Кристалл, по всей видимости, не разбился – на дне лодки не было осколков – и Юлий по-прежнему ощущал вес металлической скобы на лбу, но свет исчез, все вокруг стало темным и серым...

И вдруг сквозь эту серость показалось что-то еще. Мерцающие огоньки. Странный полупрозрачный куб с рукоятками и мерцающими прямоугольниками, встроенными в стеклянные грани. Непонятные надписи на светящихся квадратах... Юлия судорожно огляделся. Он был в каком-то очень тесном пространстве, металл нависал со всех сторон. Сам он был одет в пухлую бело-серую куртку с множеством странных нашивок на ткани...

– Скорее, Юлий! Нет времени! Включи экстренную тягу! Активируй экзо-поле! Догони Германа и окружи полем вас обоих! Я сильно поврежден, я не могу включить дистанци-

онный контроль...

Голос Отца. Недоумевающий Юлий бессмысленно уставился вперед – там, за выпуклым стеклянным окном, виднелся Океан. Вернее, не Океан – а бесконечная дрожащая тьма. А посреди этой тьмы, кувыркалась тусклая человеческая фигурка – тоже одетая в пухлую странную куртку с прозрачным капюшоном. Вокруг этой фигурки клубились какие-то угольные завихрения, более черные, чем сама тьма.

Неужели это Герман?... Что происходит? Юлий ничего не понимал. Ощущение паники, тупого отчаяния, ушедшие в первые мгновения после этого неожиданного изменения, начали возвращаться.

– Экзо-поле! – снова крикнул голос Отца. – Третий дисплей, рукоятка с красным маркером!

Словно во сне, не представляя, что и зачем он делает, Юлий протянул руку к красной рукоятке и потянул ее на себя. Тьма за стеклом сразу потеряла контрастность, стала как будто мыльной, с голубоватым отливом.

“Оболочка экзо-поля включилась” – пронеслись у него в голове слова, которые он не понимал.

– Быстрее, Юлий! У тебя несколько секунд! Сейчас твой светоч перезапустится!..

Юлий выбросил другую руку и обхватил подвижный рычаг с круглой кнопкой на верхушке.

...сайдстик, ручка управления...

...и, повинувшись не мыслям, а безмолвному инстинкту, на-

жал на кнопку, одновременно потянув рычаг влево.

Он тут же почувствовал, как неведомая сила вдавила его в мягкую ткань сиденья.

– Так! Правильно! Через пять секунд дойдем до Германа, феномен должен отступить, и мы подберем его... – отозвался Отец.

Но Юлий уже плохо слышал. Буйство чувств, мешанина из непонятных слов и эмоций захлестывала его, смешиваясь с удушающим Страхом. Теперь Страх стал еще сильнее, чем несколько минут назад. Юлий, не в силах сдерживаться, протяжно и жалобно застонал.

– Потерпи еще несколько секунд! Сейчас все кончится!..

Бессильная фигурка Германа, кувыркающаяся в потоках угольных завихрений, быстро приближалась – и внезапно эти завихрения метнулись в стороны и рассеялись.

В ту же секунду вдруг вспыхнул резкий сине-серебристый свет.

Свечеч Юлия снова загорелся.

– Отец,.. Отец, что... – пробормотал Юлий, ошарашенно моргая глазами и трясая головой. Он видел днище лодки, океанские волны, рукоятку бортового метателя.

– Отец, что это было? Я видел сон?...

Внезапно, он вспомнил про Кашалота и Германа, вскинул голову, осмотрелся, ища глазами чудовищную тварь с зияющей раной в боку. Но твари больше не было. Черное небо, беспокойный Океан за бортами, остров и Дом за кормой –

и все...

На носу лодки неподвижно лежал Герман. Его куртка и одежда, волосы, кожа на руках и лице, все тело – были прозрачными. Становились размытыми и как бы таяли, теряли форму, словно воск на огне,

– Герман! Что с тобой, брат?! – крикнул Юлий и рванул-ся к нему. Сперва его руки обхватили широкую грудь Германа, и он почувствовал ткань его куртки, ощутил на лице его слабое дыхание – но глаза были закрыты, а лицо, черты лица – расплывались и таяли. На это было настолько жутко смотреть, что Юлий закричал от бессильного страха, но не выпустил брата.

– Отец! Помоги!!

– Прости меня, Юлий... – раздался соболезнующий голос Отца. – Мы подросли слишком поздно.

Через несколько секунд массивное тело Германа стало полностью прозрачным и размытым, словно туман, затем окончательно потеряло форму и развеялось в воздухе. Последним исчез огонек его светоча.

Юлий, все еще продолжая держать руки так, как будто обнимает брата, потрясенно перевел дыхание и попытался что-то сказать, но ничего не получилось.

– Юлий! – настойчиво проговорил Отец. – Ты нужен нам всем. Теперь плыви к берегу. Плыви к дому сейчас, не медли. Опасность еще не миновала!

Мысленно ухватившись за голос Отца, как за спаситель-

ную соломинку, Юлий попятился на корму, нащупал рукоятку руля и повел лодку обратно к острову.

## Глава 4

У причала он нашел Михаила – тот лежал на спине почти на том же месте, куда упал во время ссоры с Германом. Капюшон не покрывал его голову, и ничто не защищало его от ледяного воздуха. Старший брат был без сознания, глаза его были закрыты, светоч на лбу едва теплился холодным синеватым огоньком. Темные волосы Михаила были в крови, на капюшоне и воротнике куртки тоже темнели кровавые пятна. И волосы, и кожа на лице были покрыты серо-серебристым инеем.

Юлий аккуратно приподнял голову Михаила, затем надел ему капюшон. Как только он это сделал, тело Михаила содроглось в судороге, он слабо закашлялся и медленно открыл глаза.

Тут же около них раздался хорошо слышимый голос Отца: – Связь восстановлена. Теперь я вижу Михаила. Оцениваю повреждения.

– Брат! Ты жив... – с облегчением выговорил Юлий.

– Герман... Так жаль, – едва слышно пробормотал Михаил. – Я ведь предупреждал... Но он слишком надеялся на свою силу.

– Брат... Ты поранился о камни. Как тебе помочь? Давай, я отнесу тебя...

Михаил медленно покачал головой.

– Куртка порвалась. Слишком долго пролежал. Тело заledenело...

– Отец тебя вылечит!

Михаил снова замотал головой, и вдруг судорожно сжал плечо Юлия и подтянул его к себе.

– Слушай... Юлий, ты ведь не знаешь...

– Чего не знаю? – машинально переспросил Юлий, с отчаянием смотря на брата.

– Остров... Дом... Все это!.. Я знал, я почти догадался, о чем мы все забыли...

– О чем ты, брат?

– Отец! – напрягая голос, позвал Михаил.

– Я слышу, Михаил. Прости, что не смог найти тебя, – сразу же отозвался Отец.

– Отец!... Я не помню всего. Но сейчас осознаю... Знаю, что я сам за все в ответе.

– Ты поступал правильно, Михаил.

– Теперь Юлий будет главой Семьи. Не Ян, не Вера. Они слишком погружены в свое призвание. Юлию решать, куда вести наш Дом. Или... как он там называется... не помню...

– Я услышал тебя, Михаил. Распоряжение внесено в журнал.

Юлий не понимал, о чем они говорят. Он пытался подняться на ноги, держа на руках Михаила. С трудом, но ему это удалось. и, стараясь не споткнуться, он быстро пошел по тропинке к Дому.

– Не переживай, брат, – бормотал он, переводя дыхание. – Сейчас, в Доме, мы тебе поможем. Возле тумбы Отца тепло, там ты успокоишься и заснешь. А потом...

И только возле самого крыльца Дома он понял, что несет уже неживое тело. Михаил не дышал, не двигался, открытые глаза застыли, черты лица заострились.

– Брат, брат... – без голоса выговорил Юлий. – Почему я не успел тебе помочь?...

Из дверей дома навстречу ему вышли Анна и Вера. Обе они плакали. Видимо, Отец уже рассказал остальным о злой судьбе старших братьев.

Сестры помогли Юлию занести Михаила в дом, и они опустили тело на лавку в привратном зале. Только после этого Юлий смог заговорить.

– Ничего не понимаю, – произнес он, переводя взгляд с Анны на Веру и обратно. – Я ничего не понял. Я не знаю, почему они погибли.

– Ян говорит с Отцом, – сказала Вера. – Он пытается найти ответы...

– А Иосиф?

– Мы нашли его без сознания в Башне... – дрожащим голосом ответила Анна. – У него было что-то вроде припадка... Похоже, он бился об пол головой... Он был весь в крови..

“Он пытался разбить светоч!”... – понял Юлий. Отчаяние, давившее на него с момента гибели Германа, становилось все

сильнее. Было очень трудно думать и говорить.

– А сейчас он где? – через силу спросил он.

– Перенесли его в его комнату, обработали ссадины. Но разбудить не смогли...

Анна снова начала плакать. Вера обняла ее, стараясь успокоить, прижала к себе, спрятала ее лицо у своей груди. “Все будет хорошо”... – шептала она, но при этом смотрела на Юлия взглядом, полным страха.

В зал вошел Ян. Он сохранял внешнее спокойствие, но его глаза лихорадочно блестели.

– Сейчас Отец будет говорить со всеми нами. – сказал он. – Он очень просит нас всех пройти в свои комнаты и лечь на постели. Тогда он начнет разговор.

– Зачем идти в каюты? – удивился Юлий. – Почему нельзя говорить здесь?

– Отец еще не до конца восстановил свою речь и свое зрение после повреждения тумбы, – ответил Ян. – Ему трудно следить за нами. Он сказал, что ему будет проще, если мы все будем на известных ему местах и будем неподвижны.

Юлий переглянулся с Верой – в ее глазах засветилось боязливое недоверие. Но поговорить с Отцом было необходимо, ведь все они пребывали в полной растерянности, а он, возможно, мог что-то объяснить.

– Нужно послушаться, – сказал Юлий. – Мы должны поступить так, как сказал Отец. Как можно скорее.

Вместе они унесли мертвого Михаила в его комнату. По-

сле этого Ян увел Анну, а Юлий с Верой вместе пошли в свой жилой коридор.

– Я заранее предчувствовала встречу с этим существом, Кашалотом, – обернулась к нему Вера, как только они остались одни. – Я знала...

– Да, Вера. Я помню, – ответил он.

– Я же говорила, что нападение на него приведет к беде. Он ужасен... но он хотел понять нас, предупредить о чем-то. Мне кажется, он слышал наши мысли, но так и не понял, что имеет дело с разными существами... Мы такие маленькие для него. Он считает весь Дом одним существом – с множеством разных хаотичных мыслей. И поэтому разговор не получился...

– Я не знаю... – сказал Юлий. – Я ничего не понял из его обращения. Да, он предупреждал о чем-то... но мне казалось, что это какая-то хищная приманка. А потом... вблизи от него разум отказывается работать, так много Страх... Трудно поверить, что он не желает нам зла после того, что я видел... Герман, он...

– Не надо, не рассказывай сейчас, – прервала она. – Я и так едва держусь. Сперва поговорим с Отцом.

Они обнялись. Прижимая к себе Веру, Юлий впервые за последнее время почувствовал, как давящее отчаяние на миг отхлынуло от головы и сердца. Затем они отпустили друг друга из объятий и молча разошлись по своим комнатам.

Отец обратился к нему сразу же как только Юлий закрыл дверь и сел на кровать. Его голос звучал громко и отчетливо, но казался встревоженным.

– Юлий, я говорю с тобой сейчас не как с подопечным, но как с главой Семьи. Михаил передал тебе свое право и свои полномочия. Поэтому сейчас я сообщаю тебе, что пришло время изменить тот образ жизни, к которому ты и все остальные так привыкли, и восстановить исходное состояние.

– О чем ты? – не понял Юлий. – Какое исходное состояние?

– Все остальные сейчас спят у себя в комнатах, – продолжал голос Отца. – Я усыпил их всех с помощью их светочей. Тебя я прошу сейчас встать с кровати и сесть на стул.

– Что происходит, Отец?! – в тревоге повысил голос Юлий.

– Пожалуйста, выполни мою просьбу. Я выполняю распоряжение Михаила, – настойчиво произнес Отец. – Это необходимо для того, чтобы ты получил полноценное управление Домом. Необходимо для того, чтобы Семья выжила, и мы смогли принять нужные решения в изменившихся условиях. Доверься мне.

Юлий медленно встал с кровати, сделал несколько шагов и осторожно опустился на стул возле стены. Сердце в его груди бешено колотилось, а ощущение тревоги было настолько сильным, что он опасался потерять сознание.

– Повернись лицом к стене, – сказал Отец. – И постарайся

не двигаться.

Юлий послушался, и как только его взгляд уперся в шероховатую каменную стену, на поверхности этой стены прямо напротив него появилось круглое зеркало. в нем отражалось его, Юлия, взволнованное лицо и горящий светоч на лбу.

– Начинаю процедуру разъединения ментальной связи, – сказал Отец каким-то изменившимся, более быстрым и звенящим голосом.

Юлий увидел в зеркале, как светоч на его лбу внезапно вспыхнул ослепительным огнем. Раздался пронзительный режущий звук. Юлий стиснул зубы от резкой боли в глазах и в висках, затем появилось жжение по окружности головы, как будто раскаленный обруч вплавился в кости. Боль секунду была очень мучительной – но уже через несколько мгновений стала стихать.

– Теперь сцепление с твоим телом ослабло. Сними светоч, – мягко проговорил голос Отца.

– Снять... светоч? Я не могу!... Я замерзну, – еле двигая губами, выговорил Юлий.

– Теперь можно. Пожалуйста, это необходимо.

Медленно и очень осторожно Юлий поднес руки к теплому светящемуся многограннику, укрепленному в центре его лба. Светоч был вставлен в блестящую овальную оправу, а от нее вправо и влево протягивались тонкие гладкие скобки. Они были так прочно и искусно спаяны с кожей, что казались продолжением тела. Юлий провел пальцами по этим

скобкам и по самому светочу. Он чувствовал его как часть своего "я", не хотелось даже думать о том, чтобы отсоединить светоч...

– Так нужно. Ты сможешь это сделать. – снова подбодрил его Отец.

"Моя семья нуждается в моей помощи", – подумал Юлий, и эта мысль придала ему решимости. Сильно сжав скобы светоча пальцами обеих рук, он стиснул зубы, резко выдохнул – и одним быстрым движением сдернул устройство со лба.

Сперва ему просто было больно. Жгучая боль охватила голову резко и сильно, так что он невольно застонал. Это продолжалось секунд пять – и Юлий отвлекся на эту боль, на борьбу с ней, и потому ни о чем не думал в это короткое время.

Но вот боль стала спадать, и через полминуты совсем стихла. Он несколько раз перевел дыхание, чувствуя сильное сердцебиение и попытался успокоиться, прийти в холодное рассудительное состояние. "Мне нечего бояться. Я Дома, в сердце Семьи, рядом с Отцом..." – хотел сказать он сам себе...

Но не смог.

Мысли хлынули в его разум неудержимым потоком. Мысли, воспоминания, понятия, знания, информация. Это было похоже на прорыв плотины – только не разрушительный, смывающий все на пути, как бывает с реальным наводнением, а словно растягивающий разум, раздувающий созна-

ние подобно тому, как воздух надувает воздушный шар. Боли уже не было... то есть не было обычной головной боли, но ощущение бесконечного переполнения было очень мучительным.

Юлий бессмысленно озирался вокруг, первое время совершенно не понимая, что он видит. Самые слова и понятия, которыми он мог бы назвать ту или иную вещь, сперва казались совершенно незнакомыми – но проходило несколько секунд, и он вспоминал, что означает появившееся слово. Однако не это было самое странное, а то, что менялась и сама реальность – то, что он видел перед собой, уже совершенно не походило на привычный Дом, на каменный интерьер комнаты, в которую он пришел для беседы с Отцом.

Вместо шероховатых стен, вместо привычной грубой мебели и трепещущего неровного света, Юлий видел перед собой ярко освещенное помещение с бело-серебристыми стенами. По этим стенам протягивались странные полупрозрачные трубки. Между трубками виднелось что-то составное, какие-то сплетения черных и серебристых пластин, иголок и огоньков, схваченные в невероятно сложные, но красивые в своей гармоничности приборы. Мерцающие прозрачные кристаллики были укреплены на этих приборах. На потолке и возле двери располагались яркие лампы в виде тонких полос белого света, а входная дверь в комнату выглядела как овал с круглым матовым окошком. Мебель – стол и несколько стульев – была белая, тонкая, блестящая. Прямо напра-

тив стула, на котором сидел Юлий, в воздухе мерцал полупрозрачный знак – единственное, что можно было сразу же узнать в этой новой обстановке. Знак Отца, знак Семьи.

“Световоды”, “Блоки памяти”, “Диодные светильники”, “Голограмма внутренней связи”, “Логотип Института”...

Названия появлялись одно за другим в переполненном сознании. А вслед за ними стали появляться и эмоции. Удивление, растерянность, страх. Страх становилось все больше.

– Постарайся успокоиться и перетерпеть первые минуты, – настойчиво, но ласково произнес голос Отца.

– О, Боже...

– Я знаю. Это очень неприятно. Но я прошу тебя быть сильным.

– Я вспомнил, – простонал Юлий. – Я понял...

– Да, Юлий. Теперь ты все помнишь.

– А остальные? Они... они были реальны?

– Да. Вы бодрствовали. Выполняли свои функции – как могли. В ограниченной форме, конечно.

– Ведь это был не сон? Мы ходили, работали, говорили друг с другом и с тобой!

– Да.

– Но ведь... Как это возможно? Ведь в этих... В этой псевдореальности... Ведь там все другое!

– Нет, – мягко ответил Отец. – Ваш образ жизни в Доме был согласован с вашими реальными функциями. Так специально подобрано. Вы воспринимали все так, как воспри-

нимали из-за высокой способности сознания к адаптации и обобщению. Конечно, это было бы невозможно в обычных условиях, но вам помогали светочи. Они синхронизировали ваши адаптационные процессы и приводили ассоциативные комплексы в сознании каждого к единой картине.

– Ох... – Юлий потер рукой лоб и посмотрел на бледно мерцающий светоч, который все еще держал в руке. – Я все равно не могу поверить. Все казалось таким... реальным.

– У нас мало времени, – напомнил Отец. – Скоро твое сознание может начать подводить тебя.

Юлий испуганно умолк, услышав это предупреждение. Новый, очередной поток воспоминаний и объяснений хлынул в его мозг. Эти воспоминания были намного неприятнее прежних.

– Да... – прошептал он. – Теперь я вспомнил все. Я вспомнил, зачем все это было нужно.

– Пожалуйста, следуй за голограммой, – сказал Отец. – Я проведу тебя на командный пункт.

– А я... А что если я встречу кого-то из них? – тревожно спросил Юлий, невольно схватившись одной рукой за подлокотник стула.

– Нет, исключено. Сейчас все спят.

Все еще глубоко потрясенный, Юлий поднялся и положил свой светоч на стол. В этот момент он, к тому же, осознал, что на нем не грубая домотканая рубашка, а двухцветная форма с шевронами Института.

Голограмма со знаком поплыла через комнату к открывшейся двери. Юлий вышел из своей каюты – но за дверью был уже не мрачный тоннель из каменных блоков, а ровно освещенный серебристо-голубой коридор. Знак переместился направо, там коридор перекрывался полупрозрачной дверью-мембраной. Юлий отчетливо помнил, что в Доме на этом месте был просто тупик в торце коридора. “Вот почему мне казалось, что в Доме больше помещений, чем мы можем посещать...” – подумал он, проходя сквозь эту мембрану; она бесшумно разомкнулась, пропуская его.

В конце короткого перехода была лифтовая кабина. Войдя, Юлий увидел на стене голографический дисплей со схемой помещений станции. Мерцающей точкой было показано его расположение.

– Я помню здесь все, – пробормотал он. – И одновременно вижу как впервые... Странное чувство.

– Эти эффекты скоро пройдут, – отозвался Отец. – Главное, что ты сейчас стабилен психически. Надеюсь, это продлится максимально долго.

Постоянные разговоры и мысли о психических расстройствах и безумии раздражали Юлия, когда он жил в Доме, раздражали не меньше и в этой реальности. Он едва удержался от того, чтобы огрызнуться в ответ на реплику Отца.

Кабина остановилась, и он вышел прямо в просторный овальный зал командной палубы. В этом помещении располагались главный пульт пилотирования и цифрового контро-

ля, дежурные рабочие места всех членов экипажа и самый большой на станции обзорный панорамный иллюминатор с цифровой обработкой изображения. Юлий медленно подошел к своему креслу – креслу пилота и навигатора, которое помещалось посередине главного пульта рядом с креслом руководителя экспедиции. На пульте горели хорошо знакомые ему индикаторы и цифровые табло, рукоятка режима управления была установлена на автоматическое пилотирование. Все показатели систем жизнеобеспечения были в норме.

Юлий внезапно осознал, что ему очень не хочется поднимать взгляд от приборов и смотреть на панорамный экран. Он знал, что там увидит, вернее, чего там не увидит. До боли знакомый Страх, отступивший в последние минуты из-за новизны обстановки и нахлынувшего массива информации, теперь снова зашевелился в его душе.

– Помни, ты теперь главный, Юлий, – раздался голос Отца. – Мы все надеемся на тебя.

– И ты, Отец? – усмехнувшись, спросил Юлий. – Ты тоже надеешься?

– Конечно.

– Разве ты действительно испытываешь эмоции? Или ты просто запрограммирован на имитацию красивой речи?

– Я – личность, способная если не переживать, то осознавать и воспроизводить соответствующие моменту эмоции в полной мере, – немного помолчав, ответил Отец. – Несмотря

на то, мой интеллект искусственный, он способен на все известные человеку проявления психики... кроме, разумеется, психозов.

“Опять он про безумие”... – с неудовольствием подумал Юлий. То, что Отец непрерывно наблюдает за ним, с одной стороны раздражало его, но с другой – действительно напоминало о долге и о том, что теперь он облечен ответственностью за станцию и ее обитателей и не имеет права заостряться на собственных эмоциях и страхах.

Повторив все это про себя, Юлий медленно поднял взгляд и увидел за стеклом обзорного экрана абсолютную черноту Войда.

Он долго стоял и, вцепившись обеими руками в спинку своего кресла, смотрел в эту бездну. Зубы непроизвольно сжались так, что стало даже больно челюстям, сердце колотилось. Юлий снова и снова прокручивал в памяти то, что происходило со всеми ними в последние годы – как в реальности, так и в иллюзии.

– Ты в порядке? – спросил Отец. – Может, тебе нужна помощь? Позвать роботов? Может, примешь лекарство?

– Не нужно, – отозвался Юлий; его голос прозвучал хрипло от внезапной сухости в горле.

Смотря в глубину черного пространства за пределами станции, он непроизвольно напрягал зрение, пытаясь уловить хоть малейшую тусклую точку, хоть какое-нибудь свечение, означающее – пусть очень далеко, но все же в преде-

лах видимости – звезду, туманность или галактику. Но темнота была абсолютно однородной и пустой. Ничего, никакого света, никакой материи...

– Знаешь, Отец, для меня это было неожиданностью, – сказал Юлий. – Когда мы покидали Солнечную Систему, я мог представить себе множество опасностей и разрушительных воздействий. Излучения, гамма-всплески, неизведанные эффекты темной материи... Инопланетные цивилизации, которые отличаются крайней жестокостью и только и думают, как бы поймать нас и зажарить на вертелах... Но я не мог предположить, что самым большим препятствием для нашей экспедиции станет слабость человеческого разума, его зависимость от... ну, от вселенской социализации, что ли. И если подумать, то ведь это как-то нелепо... Чего мы так боимся? Пустоты? Почему мы ее боимся? Почему мы так страдали из-за отсутствия этих раскаленных газовых шаров, взрывов и инопланетян? Почему я сейчас смотрю в этот черный провал глубиной в сотню миллионов световых лет и чувствую, как у меня внутри, в самой душе что-то отрывается и проваливается в бездонную трясину страха... Странно... Честно говоря, я думал люди более стойкие. Мы слишком привязаны к своей привычной среде. Стоит оказаться там, где нет знакомого наполнения – там, где вообще ничего нет – и человек, предоставленный только самому себе, начинает ментально распадаться. Человеку нужен мир. Нужен мир, чтобы опираться на него... Этот нехитрый вывод – вот

пока что и все великие научные достижения нашей экспедиции...

Юлий прикрыл глаза одной рукой и устало склонился над спинкой кресла.

– Твоя горечь понятна, Юлий, – ответил голос Отца. – Но то, что произошло с вами, не обязательно имеет только внутреннюю, социальную и психологическую природу. Есть и вполне объективные внешние факторы.

– Что ты имеешь в виду?

– Один из них – аномальные изменения гравитационного поля и уровня реликтового излучения здесь, в Войде. Эти показатели намного ниже ожидаемых, даже для такого пустого места. До того, как вы подключились к иллюзии Дома, Михаил и Вера проводили исследования по влиянию этих факторов на психику и состояние организма.

– То есть... состояние пространства здесь такое, что человеку трудно оставаться в здравом уме?

– Да, именно так. Более подробно механизмы такого эффекта будут изучены на Земле, в Институте по данным записей приборов и камер.

– Если мы туда доставим эти записи, – невесело усмехнулся Юлий.

– Это тоже важный вопрос, – сказал Отец. Программа полета изменилась из-за внешних воздействий. Мы обязаны составить отчет об изменениях и ключевых событиях. Ты должен, в соответствии с Уставом Института, зафиксировать

новые директивы, и после этого я отправлю эту информацию на Землю с помощью струнного надпространственного лазера.

– Когда эта информация дойдет до Земли? И насколько вероятно, что дойдет? – спросил Юлий.

– До того, как мы вошли в Войд, струнный лазер был способен передавать ограниченные объемы данных с вероятностью успешной доставки семьдесят процентов. Что касается даты получения данных на земле – из-за эффектов относительности времени я не могу тебе ответить. Мы на сверхдальней дистанции, такие экстремально протяженные передачи через надпространство раньше не применялись. Если мы не вернемся, то вполне вероятно, что на Земле узнают о наших действиях задолго после того, как ваши жизни завершатся... даже если вы доживете до глубокой старости.

– Но узнают? Когда-нибудь все равно узнают?

– Неизвестно. Теперь, когда мы в центральной части Войда, пространство вокруг нас имеет очень необычные свойства. привычные физические законы необъяснимо искажаются, особенно это касается крупных масштабов и траекторий...

– Какова вероятность того, что отчет будет получен, скажи наконец!

– По моим оценкам, меньше десятой доли процента. Мне очень жаль...

Юлий скривился, словно от сильной головной боли.

Несколько раз глубоко вздохнул, затем медленно обошел кресло пилота и опустился в другое, более высокое – кресло командира, бывшее место Михаила.

Больше часа он провел на командном пункте, изучая данные журнала экспедиции, записи Отца и научные выводы членов экипажа. То, что они изучали, находясь в состоянии иллюзии “Дома на острове”, также было приобщено к записям после некоторой интерпретации, сделанной Отцом. Юлий с большим трудом осмыслял сложные астрофизические рассуждения и психиатрические диагнозы, которыми щедро была снабжена эта информация; но особенно сложно было пытаться хоть как-то уложить в научные представления те странные события, которые происходили с командой и всей станцией на протяжении последних нескольких суток.

Наконец, Юлий выключил информационный терминал и устало откинулся на спинку кресла.

– Работать лодочником на острове было легче... – проворчал он.

– Отчет должен быть записан руководителем команды, – сказал Отец. – И только руководитель может изменить приоритетные задачи экспедиции. Я сам не в состоянии вносить такие изменения.

– Да, Отец. Я помню. Я готов.

Голос Отца умолк, и на консоли загорелась сенсорная панель с овальной областью для анализа отпечатка руки.

Юлий, чувствуя дрожь во всем теле, медленно вытянул руку ладонью вперед и прикоснулся к холодной поверхности панели.

Раздался мелодичный сигнал. На дисплее отобразились отсчет времени записи и спектр звуковой дорожки.

Он начал говорить.

– Я – Юлий, сотрудник исследовательской экспедиции Института Дальнего Космоса Федерации Земли. Я пилот и астронавигатор. С недавнего времени я руковожу космической исследовательской экспедицией в текущем составе пятерых космонавтов и искусственного интеллекта. В две тысячи триста двадцатом году по времени Земли наш космический комплекс “Атлантида” стартовал из пояса Койпера Солнечной Системы и, перейдя в гравитационное надпространство, отправился в самую дальнюю экспедицию, когда-либо предпринятую за историю человечества. “Атлантида” была смонтирована как жилой блок и силовой агрегат, встроенные в компактный ледяной астероид... Технической задачей экспедиции была проверка новоизобретенной транспортной технологии длинных надпространственных червоточин – этот метод теоретически позволял пренебрегать любыми расстояниями и отдаляться от Земли даже на миллиарды световых лет... Но главной целью было – научное познание макроструктуры Вселенной. Нашей целью было гигантское пустое пространство – Войд. Задача – исследовать природу холодного пятна в реликтовом излучении, провер-

ка гипотезы “вселенской горловины”...

Через три биологических года движения в надпространстве, мы подошли к границе Войда и начали углубляться в пустоту. Согласно плану, корабль должен был выходить в стандартное пространство каждый месяц и проводить изменения концентрации вещества и энергии в Войде. Мы погрузились в эту бездну на глубину более трехсот миллионов световых лет. Корабельные приборы уже не могли ориентироваться по окружающим звездам и галактикам. Вокруг была только пустота.

На этом этапе возникли сложности в дальнейшем выполнении миссии. Мы столкнулись... Столкнулись с необычными физическими условиями. После очередного дрейфа в пустоте “Атлантида” утратила способность переходить в надпространство. Усилия инженера и ремонтных систем не принесли результата. Станция была исправна – изменилась внешняя среда. По всей видимости, уровень гравитационного поля здесь так низок, что триггерам пространственного перехода просто не от чего отталкиваться...

Мы застряли в центре Войда, на расстоянии многих миллиардов световых лет от Земли и более полумиллиарда световых лет от ближайшей галактики. Осознание этого факта было ужасным. Полнейшая пустота вокруг. Мы не видели звезд. Не видели света Вселенной. Только с помощью сильнейших телескопов корабля могли наблюдать в безумной дали размытые очертания галактик. Если же человек смотрел

наружу невооруженным взглядом – он видел только тьму...

У сотрудников экспедиции начались необъяснимые психические расстройства, приступы тяжелой паники, искажения памяти, галлюцинации. Многие члены экипажа оказались на грани суицида... До сих пор неизвестно, имели место какие-то физиологические причины, связанные с нахождением в пространстве Войда, либо дело только в субъективном ужасе, отказе примириться с мыслью о бесконечной пустоте вокруг.

Из-за неработоспособности команды, на "Атлантиде" произошло несколько опасных аварий. Ситуация стала критической. В поисках решения корабельный компьютер с искусственным интеллектом – в экипаже устоялась привычка называть его Отцом – совместно с биологом экспедиции Михаилом и психологом-менталистом Верой разработал устройства-психические синхронизаторы. Эти устройства помогли нам всем спастись от безумия. При постоянном ношении такого устройства, память и способность к восприятию реальности меняются. Человек ощущает себя живущим в мире мифических аллегорий, обитает в иллюзорном пространстве, имея возможность при этом сохранять активность и даже работать. Информация, поступающая от органов чувств, дополнительно обрабатывается так, что человек мгновенно переосмысляет все то, что видит и слышит. При этом вызывающие психоз понятия и ощущения – такие как Войд, обстановка космического корабля, пустотная ксе-

нофобия, – заменяются в сознании на более приемлемые образы, сформированные на основе привычных, порой детских и инфантильных представлений.

Эффект смягчения панической реакции на бескрайнюю пустоту Войда посредством сказочно-мифологических аллегорий был новшеством социальной психологии. Методику разработали Вера, Михаил и Отец... И долгое время эта методика работала, помогала нам сохранять активность. Устройства-синхронизаторы, которые мы стали называть Светочами, создали для нас общую иллюзию, в которой вместо космического корабля мы видели Дом на острове посреди безбрежного океана. Экипаж стал Семейей. Единичные скопления темной материи, встречаемые на пути корабля, казались нам черными Валунами. Функции членов экипажа воспринимались как ремесла каждого из членов Семьи. Волшебный голос Отца – которого мы считали умершим предком-колдуном – руководил нами, поддерживая эту легенду и курируя ритм нашей жизни так, чтобы не возникало неразрешимых противоречий.

Наша жизнь была тяжелой. Но разум удавалось сохранять. Отец старался как мог...

Однако, внешние обстоятельства оказались сильнее, чем этот план.

Около трех биологических лет экипаж пребывал в иллюзорном мире. Наконец, наша станция, похоже, оказалась вблизи сердца пустоты. Центра Войда. Но здесь, как оказа-

лось, существует нечто большее, чем пустота.

“Атлантида” пересекла некую границу. Этот переход был сопряжен с очень странными пространственными и энергетическими эффектами – эти эффекты возникали там, где, судя по показаниям приборов, ничего нет. Ни вещества, ни энергии. Тем не менее, курс и скорость станции непредсказуемо изменялись, возникли сильные сбои оборудования – даже центральный компьютер на время вышел из строя – а сразу же после этого перехода мы столкнулись с еще одним сильнейшим внешним воздействием, природа которого настолько странная, что не поддается точному описанию.

Все мы – кроме Отца – еще до перехода стали слышать некий внутренний голос, предостерегающий нас от приближения к центральной части Войда. Эти обращения были множественными, и мы не могли объяснить их только состоянием психики. Мы поняли, что находимся в сфере какого-то целенаправленного воздействия. Или, можно сказать, в сфере внимания. Внимания какого-то разума.

Это не разум инопланетной цивилизации, попавшей сюда так же, как мы, собратьев по несчастью. И не сигналы местных аборигенов, живущих на какой-то планете или астероиде посреди пустоты. Возможно, это разум самого Войда...

Лечебная иллюзия Дома на острове и экипажа-Семьи претерпела деструктивные искажения. Приближение к “Атлантиде” огромного совершенно чуждого существа, пройдя через механизмы генерации иллюзии, вызвало у всех нас чу-

довищенные, пугающие видения. Мы до сих пор не понимаем, было ли это столкновение актом агрессии либо нас пытались отогнать от потенциальной опасности. Пытаясь справиться с кризисной ситуацией изнутри иллюзии Дома, мы потерпели неудачу. Глава Семьи – вернее начальник экспедиции, врач Михаил и корабельный инженер Герман погибли при исполнении долга. Остальные живы, но дезориентированы.

Ситуация непредсказуемая и требует экстренных решений, требует максимальной работоспособности всех членов экипажа. Положение усугубляется еще и тем, что Отец неспособен слышать и понимать послания чуждого разума, очевидно пытавшегося вступить с нами в контакт – сенсоры не регистрируют ничего кроме хаотических помех. Только мы, живые люди, воспринимали его обращения, пусть и в искаженной форме.

Учитывая все вышесказанное, я как руководитель экспедиции беру на себя ответственность за внеочередное изменение плана полета. Весь экипаж будет выведен из состояния лечебной иллюзии. Отныне, нашим приоритетом станет адаптация к новым условиям, изучение чуждого разума и по возможности скорейшее возвращение из Войда в обычное пространство..

Отчет будет сохранен в корабельной памяти, а также отправлен в виде струнно-лазерного пучка в сторону Земли. Таков устав Института и экспедиции. Вероятность того, что его получат, крайне низка. Но мы выполним этот ритуал...

Михаил перед смертью возложил на меня координационные функции. Отец засвидетельствовал и внес в бортовой лог это назначение. Теперь я, Юлий, пилот-навигатор и командир “Атлантиды”, даю команду отключить экипаж от светочей и иллюзии. Я сознаю опасность возобновления коллективного безумия, но мы должны пытаться действовать осознанно как можно дольше. Иначе неизвестность нас всех пожрет. Конец отчета...

Юлий закончил свою речь тихим и охрипшим от неумения долго говорить голосом. Снова протянул руку и с неожиданной злостью ткнул ее в панель. Запись прекратилась.

– Я уже начал будить и готовить остальных к выходу из иллюзии, – сказал Отец. – В течение нескольких часов мы снимем с них светочи.

– А если они впадут в буйный психоз? – устало спросил Юлий.

– Будем пытаться применять психиатрические средства экстренной седации. Острые проявления мы снизим, но эти средства очень ограничивают работоспособность...

– То есть – живя в Доме на Острове мы не можем решать новые проблемы. Но и будучи сборищем больных, одурманенных успокоительным – тоже не сможем. Хорошая перспектива.

– Дом и остров – это уже не решение. Внешние факторы агрессивно воздействуют на “Атлантиду”. Даже экзо-поле не поможет – энергии корабля не хватит на долговременную ге-

нерацию защиты. Рано или поздно все равно пришлось бы всех будить. Экипаж должен быть полностью информирован.

Юлий кивнул.

– Остается надеяться, что мы сможем выяснить, в чем дело, и покинуть Войд до того, как все сойдут с ума.

Сказав это, он снова посмотрел поверх приборной панели, сквозь прозрачный смотровой каркас командного пункта. Туда, где должны были сиять миллиарды звезд, но сейчас была видна только угольная чернота.

– Надеюсь, что мы сможем, – повторил он.

## Глава 5

Прошло около суток, и ситуация на борту “Атлантиды” очень изменилась. Все закрытые двери, отделяющие основной массив корабля от помещений, выделенных для поддержания лечебной иллюзии, были разблокированы. Все члены экипажа, спавшие в своих каютах, были последовательно разбужены и, в присутствии паукообразных роботов-стюардов, с них были сняты светочи.

Каждый пережил возвращение памяти и наплыв массива эмоций по-своему. Анне пробуждение далось наиболее тяжело: шквал противоречивых эмоций почти сразу же заполнил ее сознание. Через несколько минут после снятия светоча она изнемогла от рыданий до такой степени, что потеряла сознание. Паукообразные роботы-стюарды с медикаментами наготове тщательно следили за ней, но после нескольких часов прерывистого забытья Анна очнулась и на этот раз смогла справиться с эмоциями. Она с большой грустью, почти с отчаянием приняла знание о том, что экспедиция затерялась в пространстве Войда, и на данный момент не может вернуться домой. Пустота за пределами станции очень пугала ее, но проявлений острого расстройства психики, почти непрерывно мучивших Анну до погружения в иллюзию – с изнуряющими паническими атаками и полной утратой критического отношения к себе – пока что не наблюдалось.

Она смогла приступить к своим обязанностям химика-синтетизатора и занялась проверкой систем в своей мастерской.

Иосиф, как и следовало человеку имеющего наряду с научной еще и военную подготовку, пережил возвращение памяти гораздо более стойко. Он совершенно не печалился о Доме, Семье и острове. Наоборот, он с большим энтузиазмом и облегчением принял свою прошлую жизнь, профессию и знания. Три года назад, перед тем, как экипаж надел светочи и подключился к иллюзии, Иосиф был крайне против этого решения и подчинился только после долгих уговоров. Он тогда не считал себя психически больным и неработоспособным, хотя отчеты Михаила, Веры и Отца содержали сведения о том, что пустота Войда вызывала у Иосифа неконтролируемые приступы ярости и постоянно растущую параноидальную подозрительность. Теперь же, после освобождения от иллюзии, Иосиф почувствовал себя оскорбленным и обманутым, заявив, что его на три года превратили в глупого ребенка и холопа, подчиненного компьютеру.

– Я ведь это чувствовал, – в сердцах сказал он Юлию, который присутствовал при его пробуждении. – Я тебе говорил, что все это вранье, и на самом деле Отец манипулировал нами. Сейчас мы на свободе, но кто знает, что он еще придумает. Помнишь, я показал...

Он осекся и резко замолчал, осознав, что Отец по-прежнему слышит каждое его слово; но Юлий понял, что Иосиф хотел напомнить о маскирующем устройстве – желтой лам-

пе, созданной Германом.

– Отец – это всего лишь служебный интеллект, – ответил ему Юлий, положив руку на мускулистое плечо Иосифа. – Не он придумал Дом и остров, не он принимал решение подключать нас, мы сами решили довериться ему. И теперь, когда мы проснулись – не Отец руководит командой. Я тоже не буду принимать решений без общего обсуждения. Таков устав Института.

– Надеюсь, что у тебя хватит своего собственного разума для руководства, и ты не будешь одалживать его у Отца. После трех лет плена мне трудно ему доверять, – мрачно сказал Иосиф.

Острая неприязнь, возникшая у инженера силовых и оружейных систем (а такова была реальная должность Иосифа на “Атлантиде”) к центральному компьютеру станции – это был серьезный вызов для единства команды. Это не на шутку расстроило Юлия. Однако во всем остальном, включая психическую стабильность, Иосиф пока что не проявлял отклонений.

Ян прошел отключение от светоча легче всех. Он очень быстро и без лишних эмоций восстановил память и сразу же с жадностью накинулся на свои компьютерные расчеты, файлы и записи. Объем исследований, проведенных им в ходе путешествия, был весьма обширным, и такому талантливому астрофизику и математику, каким был Ян, больше всего на свете хотелось осмыслить и оформить в научные труды те

феномены, которые происходили с “Атлантидой” и ее экипажем в последнее время.

– Я рад, что мы все теперь имеем этот опыт, – сказал он, придя вместе с Юлием на командный пункт и без боязни смотря на пустоту Войда за стеклом. – Может быть, воспоминания об Океане и Доме станут для нас своеобразной вакциной от страха перед бездной, и мы наконец-то, сможем понять ее законы.

Понимание законов было основной целью деятельности Яна за все время его научной службы в Институте. Три года назад, когда экипаж стал впадать в безумие, он не проявлял ярости или паранойи, не слышал галлюцинаций и не боялся чудовищ – расстройство Яна заключалось в прогрессирующем когнитивном снижении, в странном смешении знаний и размытии навыков, которое поражало его все сильнее по мере погружения станции в Войд и грозило превратить из гениального астрофизика в инвалида. Попытки заниматься научной деятельностью и вообще сколько-нибудь значительное умственное напряжение приводило к тому, что его мозг как бы выключался, и Ян произвольно начинал грезить о бескрайней темноте, пытаясь воображаемо всмотреться в нее и увидеть искорки звезд и галактик. “Войд переселяется в мой мозг – только это меня пугает” – сказал он Михаилу перед тем, как надеть светоч. Иллюзия действительно помогла – теперь, три года спустя, Ян мыслил так же цепко и быстро, как и в начале экспедиции, а странный эффект когнитивного

“затемнения” пока не проявлялся.

Посещая членов экипажа “Атлантиды” в качестве нового руководителя и наблюдая за их переходом от иллюзий к реальности, Юлий не мог не думать о собственном состоянии. Как и у всех других, его разум тоже давал сбои до того, как он впервые надел светоч. Теперь, спустя три биологических года, он пока что чувствовал себя вполне психически здоровым, но память о кошмарах и сумеречном состоянии собственного разума беспокоила все сильнее. Его прошлое расстройство отличалось от поведенческих и эмоциональных сдвигов коллег – Юлия тогда мучили яркие и ужасные галлюцинации, чего не наблюдалось у других членов экипажа. По мере углубления “Атлантиды” в Войд, его начали посещать сперва одиночные, а потом множественные видения – странные спрятавшиеся в тени существа, не имеющие формы жуткие тела, абсолютно чуждые и неопишуемые создания, вторгающиеся одинаково в сны и явь, шепчущие что-то неразборчивое, то ли предупреждая, то ли пытаясь запугать. Дошло до того, что он не мог спать, панически боялся темноты и уже с трудом отличал реальность от фантомов...

Обстановка на “Атлантиде” в те времена была ужасающе деструктивной. Команды как таковой не существовало – все занимались борьбой с собственными психозами. И только благодаря самоотверженному научному поиску и чувству ответственности двоих сотрудников – Михаила и Веры –

удалось консолидировать остатки коллективного духа и убедить экипаж пойти на крайне рискованное предприятие – передоверить контроль над полетом компьютеру, а самим погрузиться в искусственно созданный мир аллегорий, где разлагающее психику влияние Войда смягчалось стойкими стереотипными ассоциациями земных мифов и социальных конструкций. Альтернативой этой иллюзии была постоянная анестезия либо экстренная заморозка всего экипажа – меры, которые не гарантировали сохранность мозга и восстановление сознания; и никто не захотел даже слышать об этом. В случае значительного изменения внешней среды или необходимости в принятии особо ответственных решений Отец был обязан разбудить сначала руководителя миссии, а затем, если тот давал разрешение, то и всех остальных. Так и случилось.

В последнюю очередь Отец разбудил и отключил от светоча Веру. Талантливый психолог-менталист и поведенческий аналитик, она очень стойко переносила пугающие игры разума, которые разрушали команду три года назад. Сама она мало говорила о своих проблемах, но и ее поразил этот недуг – Вера тогда страдала от чрезвычайно сильной тревожности и неконтрольной тоски, буквально разъедающей разум. Она очень часто плакала, впадала в крайний пессимизм, в ее сознании постоянно появлялись необоснованные трагические пророчества и ожидание неудач. Вера боролась с этим состоянием с поистине героической стойкостью, но периоды ре-

миссии и самоконтроля становились реже и короче по мере уменьшения ее сил. Если бы она, Михаил и Отец задержались с разработкой светочей и программы иллюзии хотя бы на пару недель, уровень деструкции личности и у самой Веры, и у большинства остальных, вполне мог перейти критическое значение и обернуться самыми трагическими последствиями для миссии.

Юлий очень беспокоился за Веру и очень хотел ее увидеть. По мере того, как к нему вернулась память, он осознавал всю ту глубину человеческих отношений, которая связывала его с этой прекрасной женщиной. Они были одногодками, знали и любили друг друга с детских лет – и теперь Юлий с невольным стыдом думал о тех годах, когда, будучи внутри иллюзии Дома на острове, он забыл о чувствах к ней и считал ее просто одной из равноценных братьев и сестер. Впрочем, подумав, он понял, что и тогда, не отдавая себе отчет, ощущал подсознательное притяжение к загадочной “гадалке” Вере, стремился найти ее пронизательный взгляд, всегда вслушивался в ее голос.

После пробуждения, Вера не захотела пускаться в свою комнату кого-либо кроме робота-стюарда, так что Юлий смог увидеть ее только через несколько часов, когда она пришла на командный пункт. Услышав ее мягкие шаги, он встал и пошел к ней навстречу, любуясь ее черными густыми волосами и прекрасной фигурой, подчеркнутой полетной формой Института.

– Наконец-то ты осушил весла и вернулся к привычным приборам, – улыбнулась она.

– Здравствуй, дорогая. Я очень скучал по тебе... настоящей.

Они нежно обняли друг друга.

– Как же ты мог скучать, если не помнил наше прошлое? – с едва уловимой грустью спросила Вера.

– Не помнил словами, но помнил привязанностью, – с чувством ответил Юлий. – Из всей Семьи я доверял тебе больше других. А когда ты говорила, мне всегда хотелось тебя слушать.

Она тихо рассмеялась.

– Не обманывай. Мы дружим со школьной скамьи, и все это время ты как раз не хотел меня слушаться. Всегда поступал по-своему, хотя именно я у нас ментальный мастер.

– Я всегда делал по своему, но все мои решения освещались твоим влиянием. И выбор профессии. И любовь. И решение полететь сюда.

Вера отвела взгляд и посмотрела на прозрачный обзорный сектор. В бездонную темноту, царившую за стеклом.

– А ты хорошо вспомнил, что мы здесь ищем? – спросила она.

Юлий промолчал, и Вера, подождав несколько секунд, невесело усмехнулась и медленно подошла прямо к вогнутой прозрачной поверхности.

– Войд... – тихо сказала она. – Там, на Земле, эта исто-

рия казалась интересным фантастическим сюжетом. Прелететь через половину Вселенной!.. Никто из людей не делал этого раньше. Миллионы Галактик остались позади. Сотни миллиардов планет, живых миров, звезд. И вот мы в этом бескрайнем пустом пространстве, где ничего этого уже нет, где ничего не видно, и до ближайшей планеты так далеко, что можно считать, что ее и нет вовсе... Зачем мы здесь? Ты помнишь? Ты вспомнил эту великую теорию, ради которой Институт затеял эту не в меру затянувшуюся прогулку?

Сперва голос Веры звучал ровно и задумчиво, но под конец своей речи она стала говорить прерывисто, и в нескольких местах голос явно дрогнул. Договорив, она несколько раз быстро вздохнула, как будто борясь с рыданиями.

Юлий не видел ее лица – только густые черные волосы на фоне черного пространства Войда.

– Не смотри туда, – вдруг сказал он. – Смотри на меня, Вера.

Она повернулась, и он увидел, что на ее лице нет слез.

– Источник Бытия, – с внезапным омерзением выговорила она. – Вот что мы ищем. Пуповину Вселенной. Место рождения. Есть много названий. Все пафосные, но ни одно не помогает мне поверить во что-то, кроме пустоты.

– Зачем же ты полетела, если так презрительно относишься к этим исследованиям? – пожал плечами Юлий.

Она долгим взглядом посмотрела на него.

– Хотела быть с тобой. Я люблю тебя. Ты ведь, надеюсь,

вспомнил, что я никакая тебе не сестра?...

Юлий подошел к ней вплотную и снова обнял ее, с наслаждением касаясь ее волос.

– Мне очень жаль, – шепотом сказал он.

Вера отстранилась от него и, отступив на шаг, посмотрела ему прямо в глаза.

– Отец предупредил, что скоро мы можем снова впасть в безумие. Теперь и светочи и этот постылый Дом с Семейей нам не помогут. Осталось совсем немного времени, да?

– Возможно.

– Чего же ты хочешь, командир?

Юлий смотрел на нее с жалостью и с любовью.

– Ты – “гадалка”, мой дорогой друг, – сказал он. – Ты ментальный инженер, предсказатель эмоций и поступков. Ты лучшая в своем деле. Помоги удержать команду в балансе как можно дольше.

– Разве мы сможем вернуться? Ведь надпространство недоступно.

– Я верю, что сможем. Но сперва мы поступим так, как ты предлагала. Там, в Доме, помнишь? Мы попытаемся поговорить с этим разумом. С “Кашалотом”.

Вера снова немного попятилась назад, и в ее глазах загорелся страх.

– Теперь я не знаю, правильно ли это, – почти беззвучно прошептала она. – Теперь-то я все помню...

– Мы найдем его и попытаемся поговорить, – твердо по-

вторил Юлий.

Они вышли из шлюзов на ледяную поверхность астероида – весь экипаж, все пятеро. Первыми шли рядом Юлий и Вера, за ними гуськом, один за другим, Иосиф, Анна и Ян. Выйдя из центрального шлюза жилого модуля, они медленно продвигались по вырубленной в ледяной скале дороге – к плоской возвышенности, с которой хорошо виден был весь рельеф этой части “Атлантиды”. Юлий прекрасно помнил эту же дорогу и эту возвышенность в иллюзии Острова и Дома – контуры рельефа были теми же, только вместо заиндевелога камня и утрамбованного грунта в реальности была изъеденная космическими лучами ледяная кора, а вместо сложенного из грубых гранитных блоков Дома – композитные строгие контуры жилого модуля. Башня, возвышающаяся над комплексом, была почти такой же, как и в иллюзии – если не считать строительного материала – даже окна выглядели почти идентично. Двигательные же агрегаты комплекса, гравитационная и энергетическая установки и оружейные турели располагались на противоположной, недоступной части астероида, за крутыми обрывами и ледяными пропастями. В иллюзии Острова все эти регионы скрывались “под водой”. Здесь же, в реальности, не было никакой воды – вокруг “Атлантиды” простиралась во все стороны бесконечная, однородная, пугающая тьма.

– Жаль, что мы проснулись... – проговорила Анна. – Ост-

ров выглядел намного уютнее...

– Ты же слышала объяснения Отца, – отозвалась Вера. – Мир Острова был необратимо нарушен. Очень быстро мы обезумели бы и погибли там так же, как Михаил и Герман. Выбора не было.

– То же самое будет и здесь! – сдавленным голосом продолжала Анна. – Там я хотя бы знала, что живу в Семье, ничего не помня о Земле и нормальной жизни. Это было не так тяжело... А теперь мне так одиноко...

– Мы все с тобой, – попытался приобнять ее за плечи Иосиф; но Анна резко вырвалась.

– Не надо утешать! Эта проклятая темнота сведет нас всех с ума, одного за другим! Никакие разговоры с пришельцами тут не помогут!...

Последние слова Анна произнесла неразборчиво из-за рыданий. Она продолжала идти вместе со всеми, но при этом покачивалась, как пьяная, и все время удерживала одну руку у стекла шлема. Юлий с тревогой посмотрел на нее. “Неужели, началось?” – невольно подумал он. Истерически жаловаться на судьбу во время первостепенной важности коллективной задачи – это было необычно даже для такой неопытной космонавтки, как Анна. Неужели, вызываемые Войдом психические расстройства так быстро начали набирать силу?... Однако, Вера, Ян и Иосиф пока что вели себя полностью адекватно.

Они зашли на плоское плато на возвышенности и, следуя

командам Юлия, встали в круг, спинами почти касаясь друг друга. Иосиф, Анна и Ян оказались лицом к жилому комплексу и Башне, а Вера с Юлием – к стыковочным узлам трех космических челноков. Смотря на свой маленький скоростной шаттл, Юлий невольно улыбнулся, вспомнив, как всего пару суток назад он считал это сложнейшее устройство маленькой грубой лодкой...

– Отец, ты слышишь нас? – громко спросил он.

– Да, Юлий, – тотчас же отозвался голос Отца. – Общий канал связи работает штатно.

– Что ты видишь вокруг “Атлантиды”? Ты видишь эти... феномены?

– Нет. По данным всех сенсоров в радиусе как минимум трех световых лет нет никакой материи. Абсолютно.

Эти слова вызвали у Юлия внезапный приступ головокружения, но он заставил себя сконцентрироваться, опустил голову и стал смотреть на ботинки скафандра до тех пор, пока дурнота не прошла. Все остальные, судя по всему, испытывали схожие ощущения.

– Командир, – подал голос Ян.

– Да, Ян, – отозвался Юлий.

– Время начинать. Светочи синхронизированы...

– Я боюсь, – прошептала Анна. Она беспрестанно озиралась, словно выискивая в черном небе неведомых монстров.

– Отец! Включай соединение!

Юлий первый протянул руки и крепко сжал ладони Веры

и Иосифа. Затем все остальные тоже соединили руки. Светочки, надетые на головах всех членов экипажа, мелко завибрировали и вдруг начали сверкать в очень быстром синхронном ритме. Все почувствовали головную боль, Вера и Анна протяжно застонали.

Внешне ничего не изменилось – Юлий по-прежнему видел ледяную поверхность астероида и космические челноки под угольно-черным небом. Но внутри его головы – и внутри всех остальных членов экипажа – происходила удивительная трансформация. Каждый из них ощутил мысленное соединение своих мыслей и эмоций с четырьмя сознаниями стоящих рядом. Это было не полное проникновение разумов, а как бы соприкосновение, контролируемое одним входным и выходным каналом. Каждый чувствовал, что его мысли и чувства пятикратно умножились, но внутренний мир каждого оставался при нем. И еще в этом объединении существовала главная воля, доминирующая сила, способная сконцентрировать этот общий разум в один ментальный посыл. Этой доминантой, согласно проведенной Отцом перенастройкой светочей, был Юлий. Именно он теперь управлял коллективной мысленной силой экипажа.

“Так. Надеюсь, получится!” – подумал он, чувствуя, как его мысли транслируются всем остальным и направляют их. Он ощущал эмоции остальных – тревогу Веры, подавленную ярость Иосифа, едва сдерживаемый ужас Анны и гордое, фанатичное любопытство Яна. Их сознания казались

ему его внутренними мыслями, фантастическим образом обособленными от него самого. Теперь нужно было заставить их всех мыслить одинаково.

Юлий сконцентрировал всю свою волю и постарался, чтобы его мысль “звучала” наиболее громко, стала единым голосом всей группы.

“Мы обращаемся к Разуму, обитающему здесь, в этом пустом пространстве Вселенной! Кто бы ты ни был, мы зовем тебя!”

Юлий ощущал хор мыслей своих братьев, почти синхронно вторящий его внутреннему голосу. Это доставляло ему одновременно сильную головную боль и ощущение непередаваемого творческого удовольствия, словно он дирижировал оркестром.

“Мы путешественники из далеких областей Вселенной, из мира где много света и материи. Мы не желаем зла. Мы хотим понимания.”

– Регистрирую внезапные помехи на всех сенсорах! – раздался голос Отца.

Юлий тотчас же перестал звать и сосредоточился на том, чтобы успокоить взметнувшийся эмоциональный шквал, главным образом порождаемый разумами Анны и Иосифа. Это оказалось сделать очень непросто – сплетение животного страха и отчаянной, порождаемой тем же страхом, агрессивной ярости, было похоже на моток колючей раскаленной проволоки, распирающей разум изнутри. Но понемногу,

без слов, с помощью успокаивающих мысленных “объятий” Юлию удалось восстановить относительный порядок.

“Мы не одно существо”, – снова произнес он, концентрируя общие силы в одном послыле. – “Нас пятеро. Пятеро существ, каждое с отдельным сознанием. Мы путешествуем внутри жилища из немыслящей неживой материи. Мы – исследователи. Мы жаждем знания об этой территории. Мы никому не желаем зла”.

Произнеся эту мысленную фразу, Юлий слегка смутился, не будучи уверенным в том, что гипотетический разум Войда знает различие между добром и злом, между живым и неживым. Однако, размышлять уже не было времени: события стали развиваться с нарастающей быстротой.

Послышался гул, уже знакомый каждому из них. Такой же звук приходил одновременно с появлением Кашалота из иллюзорного Океана.

– Феномен вблизи “Атлантиды”, – доложил Отец, и даже в его компьютерном голосе прозвучал страх.

Вся пятеро одновременно подняли головы и посмотрели в черное пространство прямо над ними. Там, на неопределенном расстоянии – но явно близко – присутствовало нечто, не поддающееся точному описанию человеческим языком.

Юлий понимал, что видит проявление разума, мыслящее существо, которое в этот момент изучает его самого – но при этом не мог передать словами то, что он видит. Можно было приближенно назвать это явление “мерцающей темно-

той”, каким-то искажением зрения, формирующем размытую область неправильной овальной формы. Больше всего это походило на клочковатое баргово-черное пятно, которое остается в поле зрения при закрытых веках после того, как слишком долго смотришь на солнце или лампу; но в этом видении непостижимым образом ощущались симметрия, разумное построение... и даже гармония. Ужасное и прекрасное одновременно, вызывающее необъяснимый панический страх на рефлекторном уровне... и в то же время величественное, огромное и наполненное разумом.

Юлий не мог объяснить, почему в его сознании появлялись именно эти характеристики для привидения, которое он видел над своей головой. Только максимальная сила воли помогала ему в эти моменты оставаться на месте. Подсознание и инстинкты громко требовали тотчас же разорвать контакт с остальными и бежать; а Иосиф, и особенно Анна, вообще были на грани бесконтрольной паники.

“Маленькое существо – объем, содержащий пять дискретных разумных существ. Достигнуто понимание.”

Бестелесный голос, громом раздавшийся у всех пятерых в головах. Голос чудовища из кошмарного иллюзорного нападения на Остров. Голос Кашалота... Только было ли то нападение нападением? По всей видимости, Ян был прав – этот чуждый разум раньше считал людей каким-то составными частями “маленького существа”, то есть всей “Атлантиды”. Он не понимал тогда, что каждый крохотный разум – это от-

дельная личность, а понял, судя по его словам, только сейчас.

“Ты предупреждал нас о чем-то.” – передал Юлий. – “Теперь, когда мы можем говорить друг с другом, повтори это предупреждение так, чтобы мы поняли”.

После секундной паузы беззвучный гром снова ворвался в их головы.

“Маленькие существа находятся вблизи Соединения. Способ, который они использовали для перемещения по Созданию, недействителен вблизи Соединения. Возврата нет. Маленьким существам предстоит войти в Соединение. Либо воспользоваться помощью данного Проявления и остаться вместе с ним”

“Мы не понимаем, о чем ты говоришь” – беспомощно проиграл Юлий. – “Мы уже слышали эти слова раньше, и не понимаем, что ты называешь Созданием, Соединением, Проявлением. Мы не понимаем, кто ты и что здесь делаешь. Мы просим объяснить так, чтобы это было понятно на нашем уровне познания”.

Повисла пауза, которая длилась примерно полминуты. Юлий – и все остальные – пытались справиться с бешено скачущими сердцами и буйством эмоций, вызванным отголосками речи Кашалота. “Еще несколько таких обменов репликами – и кто-нибудь из нас сойдет с ума”, – мелькнуло в голове у Юлия.

– Оно приближается! – передал Отец.

И уже в следующую секунду призрачное черное дрожание пространства переместилось прямо к ним, коснувшись поверхности астероида и накрыв всех пятерых с головой.

Неудержимый поток бессловесного знания хлынул в голову Юлия, и он, теряя контроль над собственным телом, разжал ладони и медленно осел на ледяную поверхность. Рядом с ним упали остальные.

## Глава 6

Примерно через полчаса Юлий, Вера, Иосиф, Анна и Ян сидели за круглым столом в командной рубке “Атлантиды”. На приборной панели пульта управления светился индикатор активного режима вооруженной защиты, что означало полную готовность всех имеющихся кварк-нейтринных пушек к отражению возможных внешних атак. Как показало прошлое столкновение с Кашалотом, кварк-нейтринный концентрат – или “Белый Огонь”, как называли его люди внутри иллюзии Острова, оказывал определенное воздействие на тело гигантского существа, и оставалась надежда, что если оно проявит агрессивные намерения, Отец сможет защитить “Атлантиду”. Также были полностью заряжены генераторы защитного экзо-поля, сумевшего отогнать Кашалота в последнюю встречу... если только он не отступил тогда сам по каким-то своим причинам.

На этот раз Кашалот очевидно не проявлял никаких агрессивных намерений – бесформенное облако мерцающей пустоты повисло в пространстве на расстоянии примерно километра от обзорного купола командной рубки. Отец делал попытки изменить курс, но дистанция сохранялась прежней.

Паукообразные роботы-стюарды перенесли всех членов экипажа в жилой модуль меньше чем через полминуты после того, как все они одновременно потеряли сознание. Экс-

тренное медицинское обследование, проведенное Отцом, не показало никаких негативных изменений. Через несколько минут все – один за другим – проснулись. И сразу выяснилось, что изменения все же произошли, причем кардинальные – в память каждого из членов экипажа оказался вложен большой объем информации: знания о природе Войда, обитающих у его центральной области разумных существ, и – что было самым невероятным – информация о так называемом Соединении.

– Это существо передало нам огромный подарок, – произнес Ян, открывая совещание. – Взгляд на мир от лица представителя высокоинтеллектуального внеземного разума. Его понимание структуры Вселенной, в частности Войда и того, что лежит в его сердцевине. Наша экспедиция, как оказалось, достигла успеха. Теперь у нас есть знание.

– Давайте сравним ту информацию, что мы получили от него, – сказала Вера, кивком головы указывая на мерцающую тьму за стеклами иллюминаторов.

– Хорошая мысль, – согласился Ян. – Если вы не против, то я как старший научный сотрудник обрисую открывшуюся перед нами картину. Отец внесет все сказанное в лог, и при любом исходе наших личных судеб, струнный лазер отправит эти сведения в сторону Земли...

– Чушь! Никогда эти данные не дойдут до дома... – фыркнул Иосиф. – Даже на расстояниях в миллион раз меньших искажения были такими, что...

Он умолк, видя холодный, строгий взгляд Яна. Подождав немного, ученый продолжил:

– Итак, мы находимся сейчас в наиболее удаленной от остальной Вселенной части Войда. Здесь самая низкая удельная концентрация материи и энергии во всей известной нам Вселенной. Кроме того, мы в самом центре области с аномально низким уровнем температуры реликтового излучения. Образно выражаясь, в том месте, которого мы достигли, нет практически ничего. Даже меньше, чем ничего... И такое состояние пространства наблюдается на протяжении по крайней мере пятидесяти миллионов световых лет в любом направлении от настоящего местоположения “Атлантиды”.

По мере нашего продвижения в глубь Войда, мы собирали встреченные нами на пути фрагменты вещества, а также анализировали спектры регистрируемых излучений. Первые годы мы не замечали ничего необычного – кроме, конечно же, разреженности пространства. Однако здесь, в сердцеви-не Войда, все иначе.

Это очень трудно объяснить привычными физическими терминами, но сейчас у меня и нет такой цели. Даже находясь в состоянии иллюзорно-ассоциативной реальности, думая, что живем на Острове посреди Океана, мы продолжали исследовательскую работу и собрали много сведений по картированию Войда, по анализу найденных образцов материи и излучения. В свое время все эти данные будут уложены

в стройную теорию. Сейчас могу сказать только то, что границы понятий “пустота” и “вещество” здесь, в Войде, становятся очень размытыми. Вещественные тела, которые мы наблюдали в последнее время, имеют очень странные свойства. По сути своей, они не подчиняются известным законам физики и не вписываются в модель известной Вселенной. Грубо говоря – они не имеют четкой внутренней структуры – даже в самых малых масштабах – и состоят из “пустоты”. Представляют собой “сгущение” пустого пространства, удерживаемое неведомой для нас силой. Причем эти, состоящие из ничего, объекты, встречались тем чаще, чем ближе мы подходили к сердцевине Войда и реликтового холодного пятна.

Дальше – больше. Здесь нарушаются принципы работы фундаментальных физических взаимодействий. Непредсказуемо ведут себя электромагнитные поля, в которых появляются необъяснимые искажения и провалы. Гравитационное поле в Войде практически отсутствует – его параметры почему-то на порядки ниже предсказанных нами на Земле значений. Это, кстати говоря, является одной из причин нашей невозможности запустить надпространственный режим движения и покинуть Войд.

Складывается впечатление, что мы находимся в совершенно особенной зоне Вселенной. Здесь наши знания и наши научные концепции не работают. И вот тут на помощь приходит знание, переданное нам существом, которое Вера прозвала Кашалотом. Имя не совсем удачное, однако друго-

го мы не придумали, а собственного имени у этого существа нет. В разговоре оно называет себя Проявлением.

Это существо – само по себе невозможное явление с точки зрения нашей научной картины мира. У него нет тела и, соответственно, нет органов, мозга, системы питания и энергообмена, воспроизводства и всего прочего. У него вообще нет ни одного атома вещества в составе. Оно не состоит также из каких-либо субатомных частиц, по крайней мере мы их не регистрируем. Оно представляет собой – если описывать в очень примерной форме – локальное изменение в природе квантовых флуктуаций вакуума, создающее область пространства с замкнутыми на себя зонами “более пустого”, чем собственно вакуум. Можно назвать его сложным вдавлением многомерного пространства, хотя и эта трактовка будет условной. Само оно описывает свою структуру – если выражаться нашим языком – примерно как “фокус внимания творящей Создания силы, обособленной в свободный от этой силы разум”. Созданием Кашалот называет всю известную нам Вселенную. Но что это за сила, творящая Создание, разумная ли это сила, и какова ее цель – Кашалот не говорит или не знает. Он считает себя своего рода посредником между нашей Вселенной и неким другим миром, срединным пространством, в котором находятся источники существования многих других миров.

Если верить Кашалоту, то он, образно говоря, существует между мирами, а в нашей Вселенной нам доступна только

его “тень” или “след”. Проявлять себя Кашалот может только в Войде, точнее только вблизи центральной его области, области описанных мной выше аномалий. Именно переход из внешних областей Вселенной, в ту сферу, где искажены законы, и вызвал такую встряску для Отца и “Атлантиды” совсем недавно. Кашалот, явившийся нам тогда, вовсе не напал на нас, он хотел отогнать нас от границы, после прохождения которой возврат невозможен. К сожалению, мы не вняли его совету.

Эта аномальная область имеет центр, который Кашалот называет Соединением. Это не черная дыра или какой-то иной массивный объект, это вообще не материальный объект. Соединение не обладает гравитационным полем и не изменяет траектории фотонов. Соединение – это область, в котором размыты границы между Вселенной и пограничной областью, миром между мирами.

Наши земные теоретики, сочиняя фантастические теории о “Пуповине Вселенной”, странным образом были близки к истине. Однако, они ошиблись в причинно-следственной связи. Соединение – не пуповина, не место, где родилась Вселенная. Это место ее соприкосновения с другими Вселенными, сформированное по мере ее развития – с неизвестной нам целью.

Кашалот утверждает, что покинуть область Соединения и вернуться в какую-либо Галактику невозможно для тела, состоящего из барионной материи, то есть, в нашем случае,

из атомов и молекул. Я не понимаю механизмы этого удержания – Кашалот рассуждает с помощью понятий, несоразмеримых с нашими знаниями о перемещении в пространстве. Согласно его сведениям, здесь любые попытки изменения скорости тела и его траектории будут приводить к перенаправлению прямо в Соединение. Это несколько напоминает наши представления о сингулярности, но не связано с гравитацией. Возможен второй, статичный вариант. Если не менять траекторию и не ускоряться – то сохранится статус-кво и текущая дистанция.

Информация, которую Кашалот сообщает о своих действиях и намерениях, представляется наиболее сложной для осмысления и логики. Он пытался предотвратить пересечение нами границы центральной зоны Войда и приближение к Соединению – потому что, по его словам, такие существа, как мы, должны обитать в привычной для нас среде и подчиняться стандартным физическим законам. Но теперь, когда мы все же пересекли эту границу, и для нас нет возврата, Кашалот намерен сопровождать нас. Он утверждает, что одной из наиболее важных задач его существования в нашем мире является содействие существам, которым предназначено пройти через Соединение. Почему он должен этим заниматься, кто дал ему такое задание и какая ему от этого выгода, он не сообщает и, судя по всему, сам этого не знает. Содействие, которое обещает Кашалот, выражается, по его словам, в “восприятии намерений существа и приведе-

нии их к осуществлению”. Иными словами, он устанавливает ментальный контакт с путешественником и помогает ему выполнить его наиболее важную задачу. Как он определяет важность задачи, мне пока неясно. Однако, именно это, судя по всему, произошло с нашим бортинженером Германом. Почему Кашалот называет смерть Германа “исполнением намерения” самого Германа, мне тоже неясно; однако он утверждает, что не предпринимал по отношению к нему каких-либо насильственных действий. То, что наблюдал Юлий – необъяснимое развоплощение Германа – является, со слов Кашалота, ничем иным, как следствием приближения человека к Соединению. Дезинтеграция живого существа – неизбежность для любого, кто не примет помощь Кашалота или его собратьев при попытке входа в эти таинственные врата Вселенной...

Можно воспринимать эти сведения как бред, мистификацию или невежественный комплект верований. Мне самому трудно во все это поверить. Однако, Кашалот утверждает следующее: у “Атлантиды” и у всех нас есть несколько альтернатив. Первая – оставить все как есть и остаться здесь в Войде. Продолжать жить и исследовать то, что можно исследовать. Но, выбрав этот вариант, мы должны смириться с тем, что эта ситуация сохранится навсегда. Даже когда мы умрем, Отец продолжит наблюдения и регистрацию данных, хотя вероятность того, что какие-либо сведений от нас дойдут до Земли – ничтожны.

Вторая альтернатива – изменить курс "Атлантиды", что неминуемо приведет нас в Соединение, что бы ни скрывалось под этим наименованием. При этом Кашалот утверждает, что если мы не воспользуемся помощью такого существа, как он или его собратья – а у него есть собратья – то нас ожидает распад и растворение в вакууме еще до подхода к центру. Примерно таким же образом, как это случилось с нашим несчастным инженером Германом. Кашалот не объясняет, почему именно материальное тело должно распасться – говорит, что такова природа Соединения. Только если человека будет со всех сторон окружать "тело" такого существа, как Кашалот, есть шанс пройти через эту горловину в целостном виде и сохранить сознание. Что будет дальше с таким человеком – Кашалот не знает. Вероятно, понятие времени, пространства, жизни, прошлого и будущего, такому человеку придется пересмотреть, даже если он и сохранит способность мыслить. Я лично полагаю, что это маловероятно – слишком уж многое должно сложиться благоприятно, чтобы такая хрупкая система как человеческий мозг, могла сохранить работоспособность. Но это только мое мнение. Кашалот предлагает "провести" через Соединение тех, кто захочет туда пойти. Он говорит, что в таком посредничестве заключается одна из ключевых целей его существования. Тех, кто хочет остаться в Войде, он и его собратья будут сопровождать и поддерживать, помогая знанием и общением, но помочь покинуть Войд они не в силах.

Вот то, что я знаю. Если кто-то из вас получил другие сведения, прошу высказываться.

Ян умолк и сел в своё кресло. Он выглядел утомленным, но его глаза лихорадочно блестели.

– Сообщенные тобой данные сохранены, – сообщил голос Отца. После этого повисла долгая пауза.

– Я подтверждаю то, что сказал Ян. – наконец, медленно произнесла Вера. – Пожалуй, в моей голове все это не так стройно уложено... но я согласна с описанной им картиной.

– Я тоже, – кивнул Юлий.

Оставшиеся двое упорно молчали. Иосиф медленно качал головой, нахмурившись и смотря на блестящую поверхность стола. Анна прикрыла ладонью глаза и откинулась на спинку своего кресла.

– Ну а вы что скажете? – не выдержав, довольно резким тоном спросил Юлий.

Иосиф тут же оторвал взгляд от стола и повернулся к Юлию; его лицо выражало неприкрытый гнев.

– Простите за задержку, господин командир! Отвечаю по вашему велению. Ничего, что я сижу в вашем присутствии?

Юлий опешил от откровенной злобы, прозвучавшей в этих язвительных словах.

– Разве я сказал что-то оскорбительное... – начал было он, но Иосиф тут же перебил его и даже стукнул кулаком по столу:

– Не надо! Не надо этих притворных обсуждений и лжи-

вых коллективных решений. Вы с Верой в любом случае решите за нас! Вы считаете себя начальством, но на самом деле вы просто одурманенные жертвы!

– Что ты несешь, Иосиф?! – в свою очередь повысил голос Юлий. – Как ты себя ведешь? Может, изволишь вспомнить устав Института?

– Наплевать! До твоего Института миллиарды световых лет! А по твоей милости мы можем вообще никогда его не увидеть!

– По моей милости? – пораженно повторил Юлий?

– Именно!! – Иосиф внезапно перешел на крик. – Долбаное чудище промыло вам мозги! Но меня ему не удалось провести своими рассказями!

– Стало быть, ты подтверждаешь описанные сведения? – спокойно спросил Ян.

Иосиф злобно отмахнулся.

– Это не сведения! Это его тактика привлечения жертв! Неужели вы настолько отупели во время проживания в Доме, что потеряли элементарную интуицию? “Все равно вы не вернетесь, так уж лучше отправляйтесь-ка прямо ко мне в пасть” – вот что оно вам говорит! Попробовал Германа на вкус, ему понравилось – вот и заманивает остальных, гадина проклятая!!

Иосиф, который давно уже вскочил со своего места, обернулся к иллюминаторам и погрозил кулаком в направлении мерцающего феномена посреди бесконечной тьмы.

– Ты думаешь, что это существо нам лжет? Заманивает с целью убить нас? – переспросила Вера.

– Я не думаю, я уверен! – отрезал Иосиф. – И мне плевать на Институт, уставы и субординацию, ясно? Я категорически против того, чтобы о чем-то договариваться с этой тварью! И я буду защищать свою жизнь – и вашу тоже. В конце концов, это моя задача в этом полете!

Он повернулся спиной ко всем сидящим и быстрым шагом вышел из помещения.

– Иосиф нестабилен, – услышал Юлий тихий голос Отца; тот обращался к нему конфиденциально, так, чтобы не слышали остальные. – Я отслеживал электроактивность его нервной системы. Он в панике. Возможны непродуманные агрессивные действия.

В полнейшей растерянности, Юлий переводил взгляд с одного собеседника на другого. Он оказался не готов к такому активному противодействию со стороны Иосифа, всегда бывшего ему другом и младшим товарищем.

– А ты, дорогая? – мягко спросила Вера, обращаясь к Анне. Все время, пока шло выяснение отношений с Иосифом, Анна неподвижно сидела, прикрыв рукой глаза и время от времени глубоко вздыхая.

Услышав вопрос Веры, она медленно опустила руку, и все увидели, что ее глаза полны слез.

– Я думаю, что поняла, – прошептала она.

– О чем ты? – не поняла Вера.

– Я поняла то, что вы пока не понимаете. Поняла, что вообще здесь происходит.

– Так скажи нам, – немного помолчав, отозвалась Вера, быстро переглянувшись с Яном и Юлией.

Заметив их настороженное переглядывание, Анна печально, но беззлобно улыбнулась.

– Вы смешные... – протянула она странным тонким голосом, словно маленькая девочка, обращаясь к подружкам на детской площадке.

“Войд! Ее разум не выдерживает!” – пронеслось в мозгу у Юлия.

– Вера, подружка, пойдем со мной в мастерскую, там я тебе скажу. Одной тебе, ты всегда была моей самой близкой...

– Почему в мастерскую?

– Пойдем, пойдем, – снова протянула Анна, вставая из-за стола. Она быстро подошла к Вере и потянула ее за рукав. Пожав плечами, та тоже поднялась и позволила увлекать себя к выходу.

За столом остались, сидя напротив друг друга, Ян и Юлий.

– Ну что же, – спокойно сказал Ян. – Судя по всему, экипаж начинает ментально распадаться. Еще максимум пара дней – и мы впадем в бесконтрольный психоз. Придется либо постоянно вводить психотропные средства – что тоже не гарантирует эффекта, так как не устраняет внешнюю причину – либо срочно разрабатывать новую нейроиллюзию.

– Что ты думаешь насчет этого Соединения... или как там

его называет... Кашалот? – осторожно спросил Юлий.

– Я не склонен думать, что этот разум способен лгать. У него просто нет мотивации для такого поведения. Ложь – следствие человеческой хрупкой природы и несовершенства психики...

– Значит, мы и вправду вблизи какой-то... горловины Вселенной? Выхода в иное пространство-время? Ведь и на Земле говорили о чем-то подобном...

– Мы ничего не узнаем наверняка, пока не исследуем этот феномен. Если, конечно, наши возможности позволяют узнать хоть что-то, – ответил Ян.

– Эмоциональное состояние Анны лабильное, – вдруг проговорил Отец прямо у уха Юлия. – Резкие смены настроения с высокой амплитудой. Возникновение стойких алогичных доминант...

– Где она? Вера с ней? – приподнялся Юлий.

– Да, с ней. Они заходят в мастерскую Анны. Разговаривают обо мне. О сомнениях насчет реальности ощущений. Я думаю, налицо прогресс психического...

– Подожди, Отец, не произноси вердиктов, – выпалил Юлий, вставая из-за стола и направляясь следом за вышедшими Анной и Верой. В комнате остался только Ян – он, словно утратив интерес ко всему происходящему, неотрывно смотрел сквозь иллюминатор на висящего в пустоте разумного бесплотного чужака.

Оказавшись в пустом изогнутом коридоре, ярко освещен-

ном кольцевыми диодными лампами, Юлий оперся рукой о мягкую обшивку и застыл, прижав вторую руку ко лбу. Его мысли расплывались в нарастающей давящей тревоге. Собственные впечатления, воспоминания и выводы сплетались с информацией, переданной Кашалотом и с эмоциональными отпечатками, оставшимися после синхронизации с остальными членами экипажа. Озлобленная смелость Иосифа, отчаяние Анны, научный педантизм Яна... их характеры и эмоции были понятны Юлию, но его собственный ментальный образ отторгал их настроение. А массив информации, переданный Кашалотом, было еще сложнее удерживать и осознавать – это знание не растворялось в его собственном опыте, а существовало как нечто отдельное – как чуждый, холодный и бесстрастный текст.

Напластование слов, образов и эмоций, давило на Юлия и мешало принимать решения. Постепенно нарастала тупая боль в висках, и неприятным стуком отдавался в голове собственный пульс. Однако, сейчас он уже не чувствовал того тошнотворного Страх, который посещал его во время обитания в Доме. "Может быть, это оттого, что чувство ответственности за экипаж пересилило личные инстинкты", – подумал он. – "А может быть... Может быть, я уже впадаю в безумие и просто не способен критически оценивать собственное состояние" ...

До того, как агрессивное выступление Иосифа поставило под сомнение миролюбивые намерения Кашалота, Юлий

даже не задумывался над тем, достоверна ли переданная этим существом информация. Теперь на него внезапно нахлынули сомнения. А что если чуждый разум на самом деле лгал им, играл в какую-то хищную логическую игру, пытаясь заставить добровольно отправиться в его нутро... так, как это произошло с Германом? Может быть, понятие правды и неправды вообще были для этого существа неразличимы, и правдой оно считало только то, что могло послужить его интересам?... Оно говорило, что “Атлантида” неспособна выйти из центральных областей Войда, и теперь им нужно выбирать между безрадостным дрейфом в капкане тьмы... и добровольным погружением в некую вселенскую горловину, в которой, скорее всего, их ожидала смерть, пусть даже и после момента экзистенциального знания. Но что если Кашалот просто-напросто ошибается в оценке возможностей их корабля? Что это призрачное существо может знать о технологии надпространственного гиперсветового скачка? Как он, Юлий, начальник экспедиции научного Института, может принимать слова чужака на веру?...

– Юлий, обстановка обостряется, – произнес над его ухом голос Отца. Юлий, вдрогнув, выпрямился и огляделся по сторонам.

– Что? Что случилось?

– Анна вывела стюардов и заперла входную дверь в сектор снабжения. Она сейчас в мастерской химического синтеза. Вместе с Верой.

– И?

– Они вошли в капсулу карантина. Я не слышу их разговор.

Капсулой карантина называлось небольшое помещение, соединенное с внешним шлюзом и предназначенное для опасных объектов. Оно ни разу не использовалось во время экспедиции – по той простой причине, что в Войде ни разу не были обнаружены какие-либо радиоактивные вещества или биологические угрозы. Но Юлий знал, что при включении капсулы внутри генерировалось экранное электро-гравитационное сферическое поле, которое не пропускало ни вещества, ни излучений.

– Зачем они туда пошли?

– Мне неизвестно.

– Я иду туда! Отопри дверь в сектор, – велел Юлий, почти бегом устремляясь по коридору к ближайшему лифту. Чувство тревоги внутри него нарастало с каждой секундой.

– Дверь запечатана личным паролем Анны, ответственного сотрудника по сектору. Я не имею права отменять ее решения без официального отстранения ее от должности начальником экспедиции.

– Я временно отстраняю Анну! – крикнул Юлий.

– Основание?

– Подозрение в психических отклонениях вследствие внешнего воздействия среды Войда!

– Принято. Вызываю стюардов для разблокировки секто-

ра.

Юлий подбежал к лифту, и дверь тут же раскрылась перед ним. Он переступил одной ногой порог лифтовой кабины – на панели уже горела нужная кнопка – но вдруг остановился, точно споткнувшись.

В его мозгу раздался голос чуждого разума:

"Целесообразнее личное участие в разрешении другого конфликта".

– Что происходит?... – невольно дрогнувшим голосом про-  
бормотал Юлий.

"Вероятность разрушения жилища маленьких существ будет меньшей в случае немедленного противодействия агрессивным действиям"

– Юлий, почему ты остановился? – спросил Отец.

– Отец... Где сейчас Иосиф? – выговорил Юлий, чувствуя, как у него начинают холодеть руки.

– В мастерской Германа. Он зашел туда несколько минут назад.

– Кашалот сейчас сказал мне, что Иосиф собирается применять оружие. Ты должен перекрыть все входы в Башню и шлюзы.

– Юлий, Иосиф сейчас в жилой зоне. Там нет оружия, и он не смо...

В следующий момент голос Отца оборвался на полуслове, и наступила тишина. Это был, насколько помнил Юлий, первый случай за все время экспедиции, когда всеведущий ко-

рабельный компьютер не договорил до конца предложения.

– Что с тобой, Отец? – испуганно позвал Юлий.

– Системы внутренней связи взломаны, – наконец, сообщил Отец. – По видеосвязи с сенсоров наблюдения поступает заикленная ложная запись. Срочная активация всех стюардов и экстренных охранных систем.

Свет в коридоре мигнул, и оттенок освещения изменился на красноватый. Через каждые пять метров посередине коридора появились прозрачные голограммы с знаком экстренной тревоги.

– Где Иосиф?! – крикнул Юлий, по прежнему стоя на пороге лифта.

– Две секунды назад произошла отстыковка катера-разведчика. Вероятно, Иосиф сейчас на борту. Я не понимаю, как он попал туда, миновав следящие сенсоры.

– Он собирается атаковать Кашалота! – понял Юлий, мгновенно вспомнив слова, сказанные ему Иосифом в кузнице Германа и потом, после снятия светоча. – Он, наверное, использовал устройство, которое создал Герман – оно позволяет ускользать из-под твоего контроля. Я забыл об этом устройстве, я не думал, что это когда-нибудь случится...

– Системы управления и связи с катером отключены от моего контроля. К сожалению, именно это и случилось. Теперь Иосиф вне досягаемости, – с горечью в голосе сказал Отец.

Пять секунд понадобилось Юлию для совершения выбо-

ра. Он знал, что скорее всего, этот выбор будет определяющим для судьбы экспедиции, но принял решение почти без колебаний. Он осознал, что в данный момент невыносимое, сверлящее разум ощущение тревоги внутри него было связано вовсе не с опасностью для корабля и не с возможностью провала контакта с Кашалотом – а боязнью за Веру. “Плевать мне на вероятности и суждения высших разумов, я должен помочь самому дорогому для меня человеку!” ...

– Отец, как глава миссии временно передаю тебе полный контроль для управления и защиты “Атлантиды”, – сказал он. – Вызови Яна на командный пункт. Отслеживайте действия Иосифа и поступайте по своему усмотрению. Я приду к вам как только разберусь с Анной и Верой. Оставь мне на помощь двоих стюардов возле камеры карантина.

– Понял тебя, Юлий, – отозвался Отец.

Юлий зашел в лифт, и кабина рванулась вниз, к сектору снабжения.

Когда Юлий прибежал к входу в мастерскую Анны, овальная выдвижная дверь уже была разблокирована – один из паукообразных служебных роботов просто-напросто прожег замок плазменным разрядом, а затем отодвинул полотно своими манипуляторами. Второй робот был уже внутри сектора и сканировал помещение. Юлий вошел внутрь. Мастерская, если не считать запаха гари от сожженного пластика, была в полном порядке. Лабораторные стенды и системы хи-

мического синтеза были выключены. Индикаторы автоматических детекторов на прозрачной панели управления горели спокойным зеленым цветом. Никаких следов борьбы или неадекватного поведения. Зачем же Вера и Анна заперлись в капсуле карантина?...

Вход в эту капсулу располагался в противоположной стене посередине ярко-оранжевой секции с маркировками физической и биологической опасности. Дверь была круглой, слегка вогнутой внутрь, с круглым маховиком гермозатвора и клавишами контроля в центре.

– Открывай! – скомандовал Юлий робота, указывая на эту дверь. – Срочно!

Мощные суставчатые конечности робота рывком крутанули колесо затвора. Сперва оно подалось, но затем раздался щелчок предохранительной системы, нарастающий писк прессорных устройств, и над дверью ярко-красным загорелся индикатор: “карантин активирован, открывать запрещено”.

– Открывай! – снова закричал Юлий. – Немедленно! Режь, если не открывается!

Робот медлил всего секунду – наверное, получал какие-то дополнительные инструкции от Отца – затем повиновался. Он отступил на пару метров, уперся широко расставленными ногами и выставил над глазами камерами плазменное дуло. Сверкнул ослепительный зеленоватый разряд – и в двери появилась серповидная расползающаяся щель. Робот

описал резакон широкую дугу по периметру двери, в этот момент сбоку подступил другой паук и, уцепившись двумя клешнями за рваный металлический край, одним сильным движением выломал дверь кнаружи. Она с грохотом рухнула на пол – и Юлий увидел Анну и Веру.

Анна лежала навзничь на полу камеры, ее прекрасные волосы разметались по серебристому металлу. А Вера, опустившись на колени рядом с ней, плакала, закрывая лицо руками.

Юлий в мгновение ока оказался рядом с ней.

– Вера...

– Со мной все в порядке, – прошептала она.

Тогда Юлий, уже понимая, что произошло, опустился на колени, нагнулся над лежащей Анной и всмотрелся в ее лицо: оно было сведено судорогой, открытые глаза неподвижны.

– Отец!! – крикнул он, пытаясь приподнять тело; но Вера остановила его.

– Бесполезно. Инъекция биофага. Мгновенная смерть, ничего не сделаешь.

– Зачем?... – пробормотал он, машинально прикасаясь к шее Анны в поисках пульса.

– Она это запланировала, – сдавленно выговорила Вера. – Здесь, в капсуле был заготовлен препарат. Только здесь Отец бы не обнаружил... Она позвала меня только чтобы уговорить последовать за ней.

– Зачем? – повторил он.

– Была уверена, что так она пробудится от очередной иллюзии. Она убедила себя в том, что Отец пытается с помощью нейроконтроля захватить власть над экспедицией. Я пыталась образумить... но не успела помешать, все произошло так быстро...

Вера снова заплакала. Юлий, потрясенный, молчал. В его голове крутился рой горьких мыслей и самообвинений. “Михаил ошибся, передавая мне контроль. Я ничемный руководитель, я загубил экспедицию. Товарищи гибнут, страх разрастается все быстрее... Скоро и мы сойдем с ума...”

– Юлий, мне очень жаль, – тихо сказал голос Отца над его ухом. Юлий приподнял голову и с неожиданным для самого себя озлоблением посмотрел в проем входного люка, где стоял в ожидании робот-паук.

– Отец, почему ты все это допускаешь?... Почему не предотвратил?

– Я не руковожу экипажем, Юлий, – мягко отозвался компьютер. – Не имею права давать приказания или запреты кому-то из вас. Прогнозирование хода умственных расстройств для меня сложно. Ведь иллюзия Дома и сопутствующие методы контроля были заложены программой, установленной Михаилом и одобренной всеми вами. Там, в Доме, я казался вам всеведущим родителем, но теперь мы в реальности, и я – не более, чем служебный интеллект.

“Он оправдывается, – с горечью подумал Юлий. – Пыта-

ется всю ответственность свалить на меня. Как он похож на человека...”

Вера первая встала на ноги и повернулась к проему.

– Отец, помести Анну в криокамеру, соседнюю с Михайлом. Полная мгновенная заморозка. Возможно...

Она не договорила. Юлий понял, что Вера хотела сказать “возможно, по возвращении на Землю, их восстановят в кибертелах” или что-то в этом роде. Однако, такая вероятность была настолько маленькой, что надеяться на это было нелепо.

Тем не менее, Отец не стал возражать.

– Будет сделано, – произнес он. Робот тут вошел в капсулу, и когда Вера и Юлий посторонились, аккуратно поднял безжизненное тело Анны и быстро понес ее к выходу из мастерской.

Вера и Юлий крепко обняли друг друга и целую минуту стояли так, обнявшись, внутри камеры карантина.

– Не хочу оставаться здесь навсегда, – еле слышно прошептала Вера. – Не хочу провести всю жизнь в этом пустом пространстве, где существует только безумие.

– Я понимаю.

– Я хочу пойти туда. В эту точку Соединения.

Юлий, не выпуская ее из объятия, слегка отстранился и посмотрел в ее блестящие от слез глаза.

– Почему ты туда хочешь?

– Тогда у нас будет хоть какая-то надежда.

– На что?

– Не знаю. Вдруг, кто-то разумный, кто обитает там... вдруг этот разум решит нам помочь. Вернет на Землю. Или хотя бы унесет куда-нибудь в более пригодное для жизни место, чем эта бездна.

– Вера... – только и сказал Юлий в ответ.

Она слабо пожала плечами.

– Ну да, это как-то по-детски, надеяться на такое чудо. Но что нам еще остается?

Он, не найдя, что ответить, снова обнял ее. А затем весь корпус “Атлантиды” сотрясся от мощного удара.

Вера и Юлий не удержались на ногах и полетели на пол камеры. Раздался оглушительный звон бьющихся колб, ампул и химических приборов. В следующую секунду заревела сирена общей тревоги.

– Что случилось, Отец?! – крикнул Юлий, поднимаясь и помогая подняться Вере.

– Охотничий катер атаковал Кашалота, – ответил голос Отца. Траектории полета снарядов нетипичны. В нас попал один из отклоненных выстрелов.

– Вот дурак! – Юлий в сердцах ударил по полированной стенке камеры.

– Связи с катером нет. Средств поражения, способных его уничтожить, на данный момент тоже нет. Башенная пушка мне не подконтрольна.

– Уничтожить? Ты хочешь уничтожить Иосифа?! –

вскрикнула Вера. – Как ты можешь думать об этом, Отец?..

– Подождите! – вмешался Юлий. – Не нужно никаких уничтожений! Я отправлюсь к причалам и взлечу на большом спасательном катере. У него есть тяговый гравитационный захват. Я насильно пристыкую катер Иосифа к себе и уведу его на безопасную дистанцию.

– Это возможно, – сказал Отец. – В том случае, если он не откроет по тебе огонь.

– Не откроет, – отрезал Юлий. – Он ведь мне как брат. Я уверен, не откроет. Вера, иди в командную рубку, а ты, Отец, найди Яна и скажи ему, пусть идет туда же. Следите за мной оттуда. И непременно наденьте скафандры! Я выхожу немедленно!

– Принято! – отозвался Отец.

Вера ничего не сказала, и только расширенными от страха глазами смотрела ему вслед, пока он выходил из мастерской.

## Глава 7

Когда Юлий выбежал из главного шлюза на поверхность ледяного астероида, он был уже готов ко всему, но картина, развернувшаяся перед его глазами, все же заставила его на время остановиться.

Это было какое-то космическое буйство безумия. Озаряя черную пустоту Войда вспышками кварк-нейтринных разрядов, над “Атлантидой” метался скоростной катер. Его, Юлия, катер... Он выделял головокружительные виражи, разворачивался, на полном форсаже проносился низко над станцией, взмывал в небо, опалая фотонными струями ледяные скалы – и при этом каждую секунду из носовых пушек вырывался разряд “Белого Огня”. Абсурдность этого лихорадочного боя заключался в том, что катер сражался с пустотой. Не было вражеских кораблей, астероидов или летящих на “Атлантиду” гигантских инопланетных монстров. Вместо осязаемого врага Иосиф вел огонь по размытому мерцающему облаку пространства, едва видимому в промежутках между вспышками. В “теле” Кашалота не было вещества и структуры, которую можно было разрушить с помощью снарядов и взрывов, но все же призрачное сгущение темноты реагировало на действия Иосифа и – это было явственно видно – мгновенными рывками уворачивалось от выстрелов или даже распадалось на фрагменты, пропуская лучи кварк-ней-

тринного огня через зияющие темные бреши, а затем вновь воссоединялось.

Юлий, сломя голову, побежал напрямик по неровной ледяной поверхности к причалам катеров. Теперь, видя воочию носящийся над головой и извергающий огонь маленький корабль, он был совсем не уверен в своей безопасности. Отец был прав – Иосиф потерял самоконтроль, и к нему явно вернулась прежняя слепая ярость, мучившая его несколько лет назад. Похоже было, что он уже не имел никакой тактики и не думал о своей собственной безопасности, равно как и об “Атлантиде” – все заслонило азартное желание любой ценой нанести ущерб Кашатолу.

После очередного широкого виража, катер на какое-то время оказался дальше от станции, чем призрачное существо, и, целясь в него, развернулся носом к “Атлантиде”.

– Иосиф! Ты убьешь нас всех! Прекрати! – закричал Юлий, забыв о том, что связь с катером нарушена.

Слепящие сгустки огня вырвались из носовых орудий и, пройдя сквозь мерцающее бесформенное тело Кашалота, через мгновение вонзились в ледяную скалу в сотне метров от Юлия. От сотрясения грунта тот не удержался на ногах, упав на лед рядом с тропой. Чудовищный веерообразный выброс водяного пара расцвел в черном небе над местом попадания.

Юлий поднялся на ноги, обхватил шлем руками и, закрыв глаза, отчаянно попытался мысленно позвать Кашалота.

“Не продолжай бой с ним! Улети прочь от нас! Этот кон-

фликт нужно прекратить!”

В небе все так же продолжалась безумная пляска вспышек, фотонных струй и мерцающих сгустков тьмы; но Юлий вдруг каким-то внутренним ментальным чутьем понял, что внимание чуждого существа частично обратилось и на него.

– Если слышишь меня, уйди от нас! Приходи позже!... – уже не мысленно, а во весь голос крикнул Юлий.

Никто не отвечал, и безумный бой продолжился с прежним накалом. Выругавшись, Юлий выбрался обратно на тропу и как мог быстро снова побежал к причалам. Выйдя через несколько десятков метров на пригорок, он с облегчением увидел, что два оставшихся катера все еще целы и пристыкованы к своим узлам.

“Проявление способствует исполнению намерений маленького существа”, – вдруг раздался в голове Юлия бестелесный голос.

“Что он имеет в виду? Каких намерений?”... – не останавливаясь, наскоро удивился Юлий.

“Маленькое существо не желает отступления Проявления, – снова передал Кашалот. – Оно желает развития конфликта”.

И, словно отвечая на эти слова, катер снова выпустил длинную очередь снарядов, при этом разворачиваясь вокруг оси, так что Белый огонь разлетелся широким веером во все стороны. Юлий снова ощутил сотрясение под ногами – еще одно попадание в “Атлантиду”...

– Он сошел с ума! Он не знает, чего желает! Не слушай его, не сражайся с ним... – глотая в спешке окончания слов, закричал он.

Мерцающая тьма внезапно растянулась в длину, как будто вытянув две длинные руки. Эти отростки достигли катера Иосифа и оттолкнули его на несколько сотен метров в сторону от основного объема “тела” существа – и дальше от ледяной поверхности “Атлантиды”.

Катер заметался, изрыгая соплами фотонные струи максимальной мощности и беспорядочно стреляя; но короткие очереди излучателя все время промахивались по зыбким сгущениям пустоты. Длинные “руки” Кашалота продолжали отталкивать катер, но вдруг резко отдернулись и втянулись обратно в основной объем, как будто обожглись. Этому была причина – вокруг катера засветилась прозрачная голубоватая сфера экзо-поля. Видимо, Иосиф вспомнил, что именно таким способом Юлий отогнал чужака во время стычки у Острова...

Юлий хорошо видел все происходящее и заметил включение защитной сферы. Сначала он инстинктивно обрадовался, подумав, что Иосиф нашел средство защиты, как и он в тот раз... Но уже через секунду Юлия обуял такой испуг, что он невольно вскрикнул.

Автоматический режим стрельбы и наведения кварк-нейтринной пушки блокировались во время включенного экзо-поля, но ручной режим одиночных выстрелов было тех-

нически возможно применить. И именно в этой возможности была большая опасность – сильный залп во время того, как корабль окружен сферой экзо-поля, привел бы к аккумуляции большей части энергии заряда внутри сферы. Режимы защиты и нападения следовало строго чередовать. Но Иосиф, не будучи пилотом, скорее всего, не знал об этом нюансе пилотирования.

Катер рывком развернулся по направлению к Кашалоту, и Юлий увидел, что раструб излучателя пушки быстро наливаются голубым свечением, хорошо различимым даже сквозь защитную сферу...

– Нет!! – во всю силу легких закричал Юлий, забыв, что связь с катером заблокирована. – Не стрелять!! Нельзя!

Он уже был на возвышенности, откуда спускалась тропа к причалам, когда висящий над “Атлантидой” катер Иосифа внезапно засверкал ослепительным белым сиянием. За долю секунды сфера экзо-поля заполнилась отражающимися от внутренней поверхности разрядами энергии – а затем наполнившийся огнем шар взорвался словно новая звезда. Вспышка была безмолвной и стремительной – разорванные ключья защитной оболочки вместе с раскаленными фрагментами корабля с бешеной скоростью рванулись во все стороны.

Юлий успел отбежать в сторону от тропы и укрыться за выступом крупного ледяного валуна, когда расширяющийся фронт детонации достиг ледяной поверхности “Атланти-

ды” и ударил по боку астероида, смяв и расплавив его поверхность вместе с пристыкованными к причалам оставшимися двумя катерами. Ужасной силы толчок сотряс весь объем “Атлантиды” – от резкого колебания поверхности Юлия швырнуло на отвесную поверхность валуна, затем искусственная гравитация потянула обратно, и он упал на спину. Сверкая ослепительным огнем, чудовищные рваные облака пролетали над головой. Рухнувшие рядом оплавленные ледяные обломки мгновенно скрыли от взора жилой комплекс и Башню.

Черное небо Войда запылало – такого раньше он никогда не видел. Взрывы от вторичной детонации аннигиляционных двигателей катеров сотрясли астероид с новой силой. Если это разрушение доберется до противоположной стороны “Атлантиды” и заденет главный реактор – то весь астероид превратится в перегретое облако пара...

– Нам конец, – без голоса, одними губами выговорил он, смотря на это огненное безумие.

Однако, для полного разрушения ледяной скалы взрыву, к счастью, не хватило силы. Понемногу свечение раскаленных облаков стало сходить на нет – и тьма вернулась в свои владения. Стало темно, только слабые красные ответы аварийного прожектора Башни все еще отражались от искоренных льдин...

“Жилище маленьких существ более не способно выполнять свои функции в нужном объеме” – прозвучал голос Ка-

шалота. Через секунду Юлий разглядел и самого обитателя Войда – мерцающее бесплотное тело висело посреди темноты, увеличив дистанцию примерно вдвое по сравнению с началом обстрела. Мерцание меняло форму, становилось то более резким, то совсем размытым. Казалось, что существо медленно и неровно дышит.

“Кашалот! Скажи мне, кто из моих спутников еще жив?”

“Активны еще два сознания в жилище маленьких существ”, – тотчас же ответил Кашалот.

Три сознания... Стало быть, Ян и Вера выжили! Или он говорит об Иосифе?...

“Сознание и тело маленького существа, проявившего агрессию, дезинтегрированы” – уточнил чужак. – “Таково было необратимое следствие его действий, и таково было его внутреннее стремление”.

“Внутреннее стремление? По твоему, он хотел умереть и разрушить наш дом?”

“Он хотел сражаться. Задача Проявления в данной области Создания – помогать мыслящему существу в его стремлениях”.

У Юлия болела голова, и ему было трудно разобраться в странной логике Кашалота. Несомненным было одно – Иосиф, его друг и младший товарищ, трагически погиб. Но Вера и Ян были еще живы. И он сам был жив – командир экспедиции, исследователь Института...

“Соединение близко” – передал Кашалот.

Юлий, не понимая, машинально поднял взгляд и посмотрел на бесплотное существо, однако на этот раз увидел не только Кашалота.

Теперь Войд не был абсолютно пуст. В небе, перечеркивая черную бездну длинными размытыми линиями, мерцала странная крестообразная форма. Она была похожа на растекающуюся фиолетовую акварель на черном листе – только не бесформенные кляксы, а упорядоченные и даже симметричные волнистые линии, медленно бегущие от вершин креста к его основанию по четырем лучам. И весь этот гигантский фантом медленно вращался по часовой стрелке.

– Боже... что это?... – выговорил Юлий, уставившись на это явление и забыв даже о крушении и взрывах.

“Соединение близко” – повторил Кашалот. И, немного помолчав, добавил:

“Теперь маленьким существам нужно, не медля, сделать свой выбор”.

Он нашел их обоих в помещении с центральным блоком Отца. Как сказал бы Юлий, живущий в Доме на острове: “в комнате, где стояла урна с прахом Отца”. Эта довольно нелепая придуманная Михаилом легенда об умершем прародителе, от которого остался только призрак, теперь стала очень похожей на правду.

Жилой комплекс “Атлантиды” был сильно поврежден. Ледяные глыбы, оторвавшиеся от астероида при взрыве, про-

били стены во многих местах. Разгерметизация станции была полной. В коридорах, каютах и всех прочих помещениях теперь не было воздуха. Команда Юлия надеть скафандры оказалась спасительной для Яна и Веры – не послушайся они его, и от всей экспедиции остался бы один командир.

Повреждения не ограничивались утерей воздуха. Вышел из строя основной проводящий ствол, соединяющий станцию с глубинными областями астероида, где располагались реактор и преобразователи материи. Станция была почти обесточена и питалась за счет локального аварийного аккумулятора. Большая часть роботов-пауков тоже была деактивирована.

Ян и Вера были уже в скафандрах на момент взрыва, они наблюдали за катастрофой из командного зала. К счастью, обзорный экран не пробили ледяные осколки, и когда “Атлантида” начала терять воздух и энергию, оба они поспешили в процессорный зал, пытаясь наладить связь с замолчавшим Отцом. Там и встретились все трое – причем, оказалось, что радиосвязь между скафандрами нестабильна и работает только на удалении не больше нескольких шагов. В чем была причина такого ограничения – в слабости сигнала или действии каких-то мистических новых состояний Войда – было непонятно.

В комнате, где стоял центральный блок, не работало основное освещение – горела только тусклая аварийная лампа. Два паукообразных робота выполняли какие-то манипу-

ляции с центральным блоком Отца, сняв с него переднюю стенку и обнажив слабо мерцающее скопление фиолетовых кристаллов, похожее на друзы драгоценных камней.

– Я думала, все кончено... – сказала Вера, сжимая руку Юлия. – Ты не отвечал... Потом, Кашалот поговорил с нами и сказал, что ты жив. Но я не поверила до тех пор, пока ты не пришел.

– Когда случился взрыв, я больше всего боялся, что уже не увижу тебя, – ответил он.

Ян стоял чуть поодаль, понурился головой.

– Может быть, все, что нам осталось, это минуты прощания, коллеги, – тихо сказал он. – Если Отец уничтожен, то мы точно не выживем. Полное фиаско экспедиции...

– Не полное, – сказал Юлий. – Пусть корабль и поврежден, но мы достигли цели. Я видел Соединение. Видел это место... или явление, о котором говорил Кашалот. То, что мы искали все это время.

– Ты видел? – удивленно переспросил Ян. – И как оно выглядит?

Юлий пожал плечами.

– Очень странно. Как призрачный струящийся крест посреди темноты. Я сперва подумал, что это галлюцинация.

– Но почему мы оказались рядом с ним? Ведь до взрыва его не было видно...

– Не знаю. Кашалот сказал, что теперь мы должны сделать выбор.

Все трое замолчали. Вера придвинулась еще ближе к Юлию, они почти касались стеклами шлемов. Неровный красный свет придавал интерьеру помещения зловещий оттенок, а суесящиеся перед блоком пауки казались хищными обитателями подземелья, свивающими гигантский кокон. Юлию внезапно захотелось бросить все усилия, закрыть глаза и лишиться ощущений, погрузиться в сон... – но он, стиснув зубы, заставил себя отбросить разрушительные мысли.

Пауки соединили и сплестили короткой вспышкой какие-то трубчатые световоды, заменили несколько кристаллов в центральной грозди – и вдруг, совершенно неожиданно для людей, сложили свои манипуляторы и синхронно отступили от блока. Наступила тишина.

– Отец! Ты слышишь нас? – с надеждой спросил Юлий.

– Да, слышу, – глухо отозвался у них в шлемах знакомый голос.

Все трое облегченно вздохнули.

– Ты в порядке, Отец? Что со станцией? Ты сможешь восстановить?...

Несколько секунд – необычно долго для разговора с Отцом – длилась пауза, в течение которой в наушниках раздавался только невнятный треск. Затем голос компьютера произнес:

– Мне доступны не все данные. Большая часть сенсоров и камер уничтожена.

– Говори, что знаешь. Мы сможем выжить? Вода, воздух,

еда?

– В энергосекторе был пожар, – сказал Отец, и в его голосе все трое услышали неподдельную грусть. – Главный реактор остановлен и критически поврежден. Два из трех преобразователей материи уничтожены. Наши возможности производить конструкционные материалы, воздух и продукты питания очень ограничены. Полное восстановление станции невозможно.

– А что с исследовательским оборудованием? Двигателями? – подал голос Ян.

– Пока нет энергии – все отключено, и я не могу оценивать повреждения. Несомненно, многое уничтожено. Но если удастся запустить резервный малый реактор, то роботы смогут загерметизировать станцию и наладить цикл жизнеобеспечения. Тогда получится реактивировать и уцелевшее оборудование.

– Сколько займет ремонт? – спросил Юлий.

– От пяти до десяти суток. Аварийный аккумулятор, который сейчас дает мне энергию, способен проработать максимум семь.

– Мы успеем! – с надеждой воскликнула Вера.

– Есть еще одна критическая проблема, – снова заговорил Отец. – Запасы воздуха резко ограничены. Цикл производства кислорода остановлен. Вам троим не хватит воздуха, чтобы дождаться герметизации и старта производства... Хватит только на одного. Кроме того, система инфракрасно-

го обогрева станции уничтожена. Через несколько часов в жилом комплексе станет очень холодно.

Вера, Ян и Юлий переглянулись. Красный фонарь сигнальной лампы на потолке медленно мерцал, словно индикатор общего страха.

– И что же нам делать? – дрожащим голосом спросила Вера. – Бросать жребий, кому жить, кому умирать?...

– Я могу предложить подвергнуть вас экстренной заморозке, – сказал Отец. Учитывая, что скоро температура сильно опустится, не придется тратить энергию на поддержание криостазиса.

– Заморозить нас? Как мертвые тела Михаила и Анны? – переспросил Юлий.

– Да, именно, – ответил Отец.

– А ты сможешь вернуть нас к жизни когда восстановишь “Атлантиду”?

– К сожалению, нет, – ответил Отец. – Это возможно только в Институте, не Земле. И даже тогда полное восстановление сознания не гарантировано...

– Я не хочу... – начала Вера, но сразу же осеклась. Ее руки задрожали крупной дрожью.

– Заморозить можно двоих из вас, – продолжил Отец. – Оставшемуся должно хватить кислорода до запуска преобразователя.

Снова наступила тишина. Все трое обдумывали эти безрадостные альтернативы. “Заморозка – это почти верная

смерть, – неслось в голове у Юлия. – Ведь вернуться на Землю практически нереально. Может быть, нас со временем найдет другой корабль... Нет, это чушь. Или другой вариант – остаться одному посреди Войда в покалеченной станции? Не знаю даже, что больше пугает”...

– Нет, – вдруг твердо сказала Вера. – Есть и третий вариант.

И когда мужчины вопросительно посмотрели на нее, она кивнула вверх, имея в виду лежащее за стенками и перегородками черное пространство Войда.

– Мы можем выбрать то, что предлагает Кашалот. Пойти туда, в Соединение и выйти из Вселенной.

– В скафандрах быстро кончится воздух, Вера, – возразил Ян.

– Возможно, там нам не понадобится воздух. Я почему-то думаю, что если мы и сможем сохранить сознание после этого перехода, то уж точно не будем существовать в привычной системе законов.

– Ну, это уже какая-то полурелигиозная фантазия... – помотал головой Ян. – Почему бы нам не действовать исходя из доступных знаний?

– Потому что надеяться больше не на что, – ответила Вера. Внезапно ко всем троим обратился голос “Кашалота”, который, по всей видимости, каким-то образом, уже научился слышать и понимать их мысли и слова.

“Альтернатива, которую предложило маленькое суще-

ство, реальна. Проявление может сопровождать все оставшиеся сознания через Соединение.”

– А ты знаешь, что нас ждет после прохождения? – тут же задал вопрос Юлий.

“Такое знание не является необходимостью для Проявления. Но для маленьких существ переход не равен дезинтеграции” – странно ответил Кашалот.

– Я не слышу, о чем вы говорите с этим феноменом, – сказал вдруг Отец. – Но нам нужно быстро принимать решение. Температура падает, и скоро ваши скафандры будут не в состоянии компенсировать холод. Мне придется облучать вас инфракрасными фонарями с помощью роботов, а это сильно замедлит ремонт...

– Отец, он предлагает нам помощь, – быстро сказал Ян.

– Какую помощь? Это существо не состоит из материи и не может на нее влиять нужным нам образом...

– Кашалот! – вдруг воскликнул Ян. – А ты мог бы помочь нам выжить до того, как наш корабль будет отремонтирован? Ведь мы – исследователи! Мы пришли сюда не за личным откровением, которым невозможно поделиться с кем-либо, а ради знания всего нашего народа. Мы хотим узнать как можно больше о Войде и Соединении и передать это нашим братьям на другом краю Вселенной. Помогите нам!

Ответ был категоричным:

“Проявление не в состоянии изменять структуру составного вещества маленьких существ, оно способно только пе-

ремещать их в доступной ему зоне и защищать от внешних потоков Соединения... Маленькие существа могут воспользоваться помощью либо для того, чтобы в целостности пройти в Соединение, либо для того, чтобы сохранить свое местоположение и получить защиту от дезинтегрирующего воздействия. Если будет выбран последний вариант, Проявление и его собратья помогут в получении желаемых знаний о Создании. Но ресурсы для выживания маленьких существ в таком случае должны обеспечивать они сами”.

– Он говорит, что не может дать нам ни воздуха, ни энергии, – пересказал Юлий Отцу. – Он говорит, что мог бы помочь сохранить “Атлантиду” на стабильном отдалении от Соединения, а нас – в здравом рассудке, чтобы мы могли продолжать исследования. Либо провести нас через Соединение в другую Вселенную – или куда бы то ни было...

– А если... А если какое-то время побыть здесь, а потом, когда захотим, пройти через Соединение? Такой компромисс возможен? – снова спросил Ян; он говорил резким возбужденным тоном, что было очень необычно для слуха его коллег.

“Если Проявления иммунизируют маленькое существо для длительного пребывания вблизи Соединения, то оно впоследствии уже не сможет пройти через центральную точку. Механизм баланса нужной энергии будет смещен в сторону переизбытка, и при попытке прохождения также наступит дезинтеграция”.

– Я не понимаю его объяснения, – призналась Вера. – Вернее, я понимаю условия, которые он описывает, но не могу понять механизмов действия этих странных законов.

– Мы очень мало знаем об этой области Вселенной и о том, какие здесь царят правила, – отозвался Ян.

“Выбор должен быть совершен как можно скорее” – напомнил бесплотный голос.

А Отец, не способный слышать Кашалота, через секунду повторил это тревожное напоминание почти дословно:

– Вы должны выбрать. Сейчас.

Ян и Вера посмотрели на Юлия. Сквозь красные блики на стеклах их шлемов он не мог хорошо различать их лица, но ему показалось, что впервые они смотрят на него как на командира экспедиции, без сомнений и допущений.

– Я пойду в Соединение, – тихо, но твердо сказал он. – Я в скафандре выйду в открытый космос за пределы тяготения Атлантиды, и Кашалот отнесет меня туда. Я хочу узнать, что – там.

– Я пойду с тобой, – сразу же сказала Вера. – Я тоже так хочу.

– Вы хотите покинуть “Атлантиду” и отправиться к феномену? – переспросил Отец. – Я могу сразу сказать, что исходя из доступной мне теоретической и эмпирической информации, вы не проживете больше нескольких часов.

– Как и здесь, – с горькой усмешкой возразила Вера.

– Юлий, почему тогда ты не хочешь пойти в это так назы-

ваемое Соединение на борту “Атлантиды”? Зачем выходить в космос?

– Потому, Отец, – ответил Юлий, – что я хочу назначить тебя руководителем экспедиции и главным ответственным исследователем. Оставайся здесь и выясни все, что можешь о природе этого пространства, его законах и феноменах. И отправь собранные данные на Землю.

– Вероятность успешной передачи этих данных стремится к нулю...

– Но не равна нулю. Ведь так?...

– Так. Но настолько низкая, что на практике разницы нет, – с явным раздражением сказал Отец.

– Кроме того, существует возможность, что здесь окажутся и другие земные экспедиции – когда-нибудь... – добавила Вера. – Или земные, или с дружественных нам планет. Наши исследования предупредят их.

– Я буду выполнять то, что предпишет руководитель экспедиции, – сказал Отец. – Если Юлий даст соответствующие распоряжения, я буду поддерживать работу “Атлантиды” и сбор нужных данных. Если, конечно, существа, с которыми вы контактируете, не предпримут агрессивных действий.

– Я рад, что ты принимаешь наше решение, – кивнул Юлий. – Теперь нужно сообщить об этом решении Кашалоту.

“Решение еще не оформлено” – тут же отозвался бесплотный голос космического существа. – “Решили не все”.

Юлий и Вера недоуменно переглянулись. И только через несколько секунд, одновременно догадавшись, посмотрели на оставшегося члена экипажа.

Ян молчал. Его голова склонилась, плечи ссутулились, было слышно, как он тяжело дышал. Прошло полминуты, и Юлий хотел было поторопить его, но Ян, наконец, медленно проговорил:

– Я выйду в космос вместе с вами. И приму решение там, когда увижу это Соединение... Я приму решение, когда поверю в его существование

## Глава 8

Через полчаса они втроем вышли через центральный шлюз “Атлантиды” на поверхность ледяного астероида. Пройдя несколько сот метров, они встали на возвышении, с которого некоторое время назад вызвали Кашалота. Там они взялись за руки и одновременно включили маленькие фотонные двигатели, закрепленные на кислородных баллонах скафандров. В тот же момент Отец временно уменьшил гравитационное поле “Атлантиды” чтобы дать им возможность взлететь с поверхности.

Юлий почувствовал, что опоры под ногами больше нет – и увидел, как увеличивается расстояние между ним и ледяным полем внизу. Сперва казалось, что он просто прыгнул на головокружительную высоту, но уже через полминуты стало понятно, что “Атлантида” – всего лишь небольшая скала посреди космоса, и гравитация больше не связывает его с ней.

Рука Веры сжимала руку Юлия до боли, а Ян, наоборот, почти отпустил.

– Держимся вместе, – напомнил Юлий. – Не забывайте, что сигнал связи очень слабый. Чуть отлетим друг от друга – и не сможем слышать.

– Смотрите, – воскликнул Ян, судя по всему, совершенно забывший о страхе и нехватке кислорода. – Смотрите, вот оно! Вот куда мы летели все это время!

Призрачная крестовина Соединения медленно вращалась в пространстве. Невозможно было определить ее размеры и расстояние до перекрестья волнистых потоков; но все трое почувствовали исходящую из этого феномена безграничную силу – не излучение, не электромагнитное поле и не поток частиц, а нечто другое, нечто очень сложно поддающееся осмыслению. Юлию было в эти мгновения не до поиска эпитетов, но внутри себя он мысленно назвал энергетику Соединения “волнами смысла” – хотя и понимал однобокость такого названия.

– Я не жалею, что мы решили идти туда, – заговорила вдруг Вера, крепко сжимая его ладонь.

– Это не столько выбор, сколько неизбежность, – пробормотал Юлий; но она, не слушая его, продолжала:

– Я не жалею. Я не жалею, что оставила дом, бросила все то, что любила там и последовала за любимым человеком сюда, в безграничную бездну, в самое темное место Вселенной. Было время, когда я, видя вокруг себя бездну Войда, совсем почти предалась отчаянию, все считали это проявлением безумия, и, возможно, это действительно было так... Но в этом моем отчаянии была причина: мне все тогда казалось, что мир не имеет смысла, что главное во Вселенной – это беспощадная черная пустота, а потому и наше понятие о любви и долге, о причинах и следствиях, о нравственных законах и все, во что мы верим в течение жизни – все только беспорядочная суэта частиц и слепых взаимодействий, а ис-

тинное состояние, подлинное начало и конец всего – это тьма, которая окружила нас... Я ждала и боялась того, что наши тела, наши мысли, наши цели – по мере того, как мы погружаемся в эту тьму, все это станет совершенно ничтожным, и сами мы распадемся, растворимся в пустоте – потому что кроме пустоты ничто не вечно...

Но теперь я понимаю, что мое отчаяние было ложным. Я вижу нечто, лежащее в конце пути сквозь пустоту. Исходник. Ворота. Существование этого Соединения говорит о том, что пустота не является самодостаточной, она не определяет и не правит, она – просто то, что должно быть в общей картине. И эта невероятная, огромная картина, великое произведение, Создание – не стремится к тьме и пустоте, но имеет другой смысл и другую причину. Я пока не знаю – какой смысл, какую причину, но все равно теперь я могу верить, что мои чувства, моя любовь, мое желание жить и созидать не бесцельны. Я могу верить, что с нами случится что-то... невероятно огромное и важное, что мы попадем туда, где открываются истины где разум очищается от напластований среды и понимает, зачем он существует. Я могу идти вперед и верить, что пройдя в эту дверь, мы найдем то, что искали, сами не зная, всю свою жизнь...

Вера замолчала. Мягкий голубоватый свет, исходящий от соединения, почему-то скапливался в пространстве вокруг ее тела и медленно колебался, напоминая изображения звуковых спектров. Вокруг Яна и Юлия такого светового эф-

фекта не было.

"Соединение чувствует ее решимость и зовет ее к себе", – подумал Юлий, испытывая необъяснимый эмоциональный подъем, словно восторг узнавания правды.

Ян был неподвижен и молчалив. Он неотрывно смотрел на огромный крестообразный знак, как будто загипнотизированный его текучим движением.

– Ну что? Вы готовы? – спросил Юлий. – Мы уже вне гравитации "Атлантиды" ...

– Я готова, – отозвалась Вера.

– Ян?

Юлий смотрел на Яна сбоку и видел сквозь стекло его шлема, каким замороженным, почти благоговейным взглядом этот всегда прагматичный ученый смотрит на Соединение. Ян не отреагировал на оклик и не отвел взгляд от феномена.

Тогда заговорил Кашалот, все это время державший равную дистанцию между людьми и "Атлантидой" :

"Теперь решимость сформирована у всех вас"

Он впервые употребил прямое обращение, назвав людей местоимением "вы" вместо "маленькие существа".

Ян, наконец, отвел взгляд от Соединения и, медленно поворачивая голову, оглядел своих собратьев.

– Неужели ты хочешь остаться, Ян? – выговорила Вера. – Провести всю жизнь в одиночестве? Помощь не придет, ты ведь это понимаешь? ...

– Я говорил, что приму решение когда увижу это своими глазами, – хриплым голосом отозвался ученый, указывая на гигантский феномен.

– Теперь ты веришь в то, что говорил Кашалот?

– Да. Я поверил в особенные свойства Центра Войда и в Соединение. И я поверил, что это величайший феномен и ключ к разгадке причин и следствий мировых законов. Но теперь, когда я его вижу и в него верю, я не хочу уходить – в другую Вселенную или куда бы то ни было еще! Я хочу изучить все, что могу. Это будет величайший научный вызов.

С этими словами Ян отпустил руки Веры и Юлия, вынул из плечевого кармана дополнительный портативный двигатель, выставил эмиттер перед грудью и нажал на пуск.

– Ян! Подожди! Зачем это тебе?!... – в отчаянии крикнул Юлий, протягивая к нему руки. Но было поздно – дистанция увеличивалась быстро: серебристая фигура в скафандре неумолимо удалялась по направлению к “Атлантиде”, и они уже не видели лица Яна – только размытое отражение Соединения на стекле его шлема.

– Пойдем с нами, Ян!!

– Нет. Я останусь.

– Прошу тебя, пойдем с нами, – взмолилась и Вера.

– Я хочу знать, – спокойно ответил Ян сквозь нарастающий помехи связи. – Я хочу все узнать.

– Но ты же не сможешь принести это знание домой!

–...неизвестно... может и смогу...

Юлий и Вера крепко держались друг за друга, наблюдая, как ставшая едва видимой фигурка Яна достигла “Атлантиды”.

– Ян! Отец!... – снова закричал Юлий, но на этот раз уже никто не ответил – дальность действия передатчиков была превышена. Вера притянула его к себе и развернула лицом к лицу.

– Все! Поздно сомневаться! Теперь здесь только мы.

Юлий почувствовал, что начинает дрожать всем телом, мелкой, судорожной дрожью, как на сильном морозе. Войд всей своей невероятной пустой бездной как будто навалился на него и придавил всю душу и все мысли.

– Вера...

– Я с тобой.

– Ты боишься?

– Очень.

– Я тебя люблю.

– Я знаю.

Они выговаривали эти слова скорее чтобы почувствовать себя живыми людьми, нежели для передачи какого-то смысла. Было невыносимо ощущать себя висящими посреди вечной пустоты в миллионы световых лет размером, от этого ощущения собственная жизнь казалось ничтожной пылинкой, достойной только забвения...

Внезапно вокруг них обернулось бледно мерцающая пелена концентрированной тьмы. Это была часть сущности Ка-

шалота. Оба – и Юлий, и Вера – сразу почувствовали себя намного лучше, как будто гигантская рука аккуратно подхватила их, удержав от бесконечного падения.

“Намерение будет выполнено” – прозвучал в их головах бесплотный голос.

– Спасибо... за помощь... – борясь с дрожью, выговорил Юлий.

Вера вдруг вытянула руку, указывая на далекую “Атлантиду”.

– Смотри! Он держит и их тоже!

Действительно, корпус корабля окутывала та же мерцающая дымка, говорящая о присутствии чуждого разума.

“С маленьким существом вступило в контакт альтернативное Проявление”...

– Что он говорит?... – прошептала Вера.

– Он говорит, что Ян и Отец знакомятся с его собратьями. – понял Юлий.

“Ваши сознания пойдут в Соединение, как и было решено. Помощь потребуется только на начальном этапе”.

– Мы понимаем, – ответила Вера. – И благодарны за ту помощь, что ты оказываешь.

“Ваши эмоции не имеют значения. Ваши поступки демонстрируют разумность выбора” – ответил Кашалот, и хотя его мысли звучали абсолютно бесстрастно, Юлию странным образом показалось, что чужак выказывает им свою привязанность.

“Движение начинается”.

Они не почувствовали никакого ускорения, но “Атлантида” мгновенно пропала из вида, а медленно мерцающая тьмой крестообразная структура стала заметно приближаться.

– Мы идем туда! – прошептала Вера. – Держи меня! Не отпускай, ни за что!

Юлий выполнил ее просьбу, вцепившись в скафандр Веры изо всех сил, но уже через несколько секунд он вдруг осознал, что не чувствует собственное тело, не слышит ударов сердца, не контролирует дыхание. Он попытался осмотреться по сторонам – но взгляд отказался повиноваться. Поле зрения расширилось и охватило сразу полнеба. Везде струились призрачные волны, составляя своим зыбким рисунком огромную крестовину. В ее центре стала формироваться выпуклая линза, сплетение дрожащих нитей, набирающее яркость. В этой линзе – в самом центре Войда, в средоточии его таинственных нематериальных энергий, находился источник величайшей силы, которую сознание Юлия не могло осмыслить. Он не знал, почему был так уверен в наличии этой силы – знал только, что в данный момент он полностью ей подчинен, тянется к ней, и ничто уже не может помешать этому движению.

А затем скорость снова многократно увеличилась, и огромные мерцающие лопасти креста потянулись к нему, охватывая его со всех сторон, увлекая в раскрывающийся

бездонный колодец, который сверкал без света и притягивал без гравитации; туда, где больше не существовали законы физики и биологии, времени и пространства.

Он чувствовал, как его собственное “я” растворяется в этой невидимой силе, становится ее ничтожным составным элементом, который за мгновение вырастает до целого; а затем веером всепроникающих бесконечно быстрых лучей взрывается и несется во все стороны... за долю мгновения достигает границ Войда – и пронизывает всю Вселенную, все содержащееся в ней вещество, энергию, жизнь... где-то в этом невероятном вечном сплетении законов, в чередовании температур, пустот и уплотнений пряталась крохотная песчинка, бывшая его родным домом; но в эти последние мгновения он считал своим домом, своей колыбелью – весь мир: все пространство, все время и все сознания. Во мгновение растянувшись до предела, весь этот мир стал столь же стремительно скручиваться до самого начального мгновения, до состояния инициации, до точки – и вот, разум Юлия втянуло в эту точку, бесконечно малую и бесконечно тяжелую; и все растворилось в ослепительном ничто.

Идя по белоснежному коридору Института, он машинально считал пересекающие потолок светящиеся линии ламп. Девяносто три... девяносто четыре... Ему хотелось, чтобы дверь конференц-зала пришлась вровень с сотой лампой, но не хватило всего двух.

Он открыл дверь и переступил порог, заранее изображая на лице улыбку.

– А вот и наш астронавигатор, – приветствовал его заведующий со спикерского помоста. – Пришел за полминуты до начала презентации. Точность достойная пилота.

– Здравствуйте, Михаил, – отозвался Юлий, не реагируя на сарказм. Он быстро прошел к амфитеатру, где уже собрались все сотрудники, и разместился на свободном месте с краю второго ряда.

Михаил провожал его неожиданно добрым взглядом, несвойственным его обычной важной манере поведения. Признанный гений астробиологии и мировая величина науки, он редко проявлял эмоции перед подчиненными, но сейчас с первого взгляда на Михаила можно было понять, что он крайне обрадован чем-то, и такая мелочь, как опоздание Юлия, не омрачит этой радости. Убедившись, что все снова смотрят на него, он подошел к пульту контроля голографической панели и нажал несколько клавиш. Раздался мелодичный звон, воздух между Михаилом и аудиторией сгустился, потемнел – и превратился в интерактивную карту Вселенной, показывающая крупномасштабную структуру из сплетения галактических нитей.

– Что-то особенное с ним случилось? Такой радостный, новую награду, что ли, дали? – шепотом спросил Юлий у соседа справа – коренастого инженера Германа, одного из ведущих сотрудников инженерной лаборатории. Тот криво

усмехнулся и не стал отвечать.

– Итак, кворум собран, – торжественно объявил Михаил, пройдя сквозь голограмму и остановившись у первого ряда. – Самое время объявить вам, коллеги, что наш Институт получил одобрение правительства на величайшую экспедицию, призванную ответить на экзистенциальные вопросы Вселенной.

Результат слаженной работы инженерных подразделений Института и Галактического Транспортного Агентства, плод многолетних трудов достиг, наконец-то, окончательной стадии формирования. Полностью прошел испытания и готов к полету уникальный транспортный научно-исследовательский комплекс “Атлантида”, оснащенный установками надпространственного гравитационного смещения. Такие двигатели еще не применялись в дальних перелетах между галактиками, и нашему Институту предстоит провести первую экспедицию по исследованию глубин Вселенной. Команда передовых ученых и инженеров отправится в самое далекое путешествие, которое когда-либо предпринимал человек. Они будут искать ответы на вопросы причинности существования Вселенной, поиска исходной точки пространства, объединения физических законов в единую концепцию...

Михаил перевел дыхание и обвел взглядом своих слушателей. Сотрудники Института молчали, смотря на карту Вселенной. Юлий чувствовал, как в его груди учащенно бьется сердце. Он не знал, что будет дальше, но почему-то у него

появилась уверенность. что в эту минуту его судьба совершает очень важный поворот.

– Секретарь Ученого Совета расскажет детали экспедиции и огласит список кандидатов в члены экипажа. – снова заговорил Михаил. – Я же хочу поздравить всех нас с получением этого грандиозного задания от всего человечества. Прошу вас, Ян.

Заведующий замолчал и отступил за карту. С первого ряда встал и прошел на место спикера Ян, секретарь Ученого Совета Института и один из крупнейших специалистов в области математики и физики взаимодействий.

Изображение на карте пришло в движение, и в центр поля зрения выплыло темное пятно между скоплениями миллионов галактик. Ян начал говорить спокойным и тихим, но веским голосом:

– Целью экспедиции была выбрана область Вселенной, вероятно хранящая наиболее важные тайны истории и законов организации нашего мира – крупнейший галактический Войд, область пустого пространства диаметром в сотни миллионов световых лет. В этом Войде, возможно, располагается аномальная область, связанная с начальными стадиями истории Вселенной. Проверка физических концепций, тестирование уникальных транспортных систем, изучение темной материи и темной энергии, поиск разумных форм организации вещества и поля – вот основные задачи экспедиции “Атлантиды”...

Теперь голограмма показывала гигантский космический корабль, представляющий собой ледяной астероид с вмонтированным в его толщу комплексом строений с одной стороны и циклопическими соплами двигателей с другой.

– Помимо семи членов экипажа, в экспедиции примет участие самый совершенный искусственный интеллект из разработанных Институтом. Он будет всесторонним помощником исследователям в их трудах, будет контролировать и поддерживать системы корабля, а в случае непредвиденных препятствий может даже временно взять на себя управление миссией. Что же касается претендентов на участие, то Ученый Совет провел самый тщательный отбор среди выдающихся ученых, космонавтов, инженеров и навигаторов, и я готов огласить перечень рекомендаций. Разумеется, каждый из названных вправе отклонить предложение – но мы уверены, что все сочтут это величайшей честью и уникальным шансом.

Ян медленно провел глазами по аудитории справа налево, как будто заглядывая в глаза всем слушателям. Юлию показалось, что на нем взгляд Яна остановился на полсекунды дольше, чем на остальных.

“Я полечу туда” – понял Юлий. Это мысль была не предположением. Он ощутил стопроцентную уверенность, что его имя будет в списке, что именно его выбрали для полета в эту немыслимо далекую бездну, в центр невообразимой пустоты, лежащей за миллиарды световых лет от дома...

Юлий закрыл глаза, и внутренним взором увидел себя в качестве пилота “Атлантиды”, увидел собственный скафандр с шевроном Института, маленький исследовательский катер на причале у ледяной глыбы, командную рубку... и бескрайнюю черноту за стеклом обзорного купола. Увидел товарищей, делящих с ним помещения жилого комплекса. Он даже мог назвать имена всех членов экспедиции.

Юлий не понимал, откуда у него эта уверенность, это внезапное предвидение. Это одновременно и пугало и восхищало его. Никогда раньше в его жизни не случалось такого смещения знания и времени, но сейчас ему показалось, что он уже пережил все, что будет происходить с этой минуты. И когда Ян начал зачитывать список, Юлий шепотом называл каждое имя секундой раньше него, и ни разу не ошибся.

Черное небо и черный Океан под ним, слабо освещаемый только сигнальным огнем Башни и налобным светильником... Концентрические морщины начинают стягивать поверхность воды, затем она медленно, лениво колеблется, и вот из черной пучины поднимается бесформенное гигантское тело. Оно источает Страх... У него нет глаз или органов речи, в нем нет ничего оформленного, но Юлий каким-то образом слышит его голос в своей голове:

“Маленькое существо зашло слишком далеко. Пока еще оно может вернуться, но скоро пройдет границу невозврата”...

Фантастические картины громоздились одна на другую, и Юлий не успевал их осмыслять. Дом и Остров, за размытыми образами которых просвечивали контуры космического корабля... Разрывы белых всполохов энергии, растекающихся по бесформенному мерцающему телу... сжимающая сердце тоска при виде тел умерших товарищей, страх перед неизбежностью новых смертей и решений, принимаемых наугад... Успокаивающий голос компьютера, дающего очень разумные советы, и зудящее в сердце предчувствие ошибочности этих разумных доводов... Теплое пожатие руки близкого человека, единственная защита от Страх перед приближающейся неотвратимой Судьбой... Судьбой, которая почему-то выглядит как медленно крутящееся колесо мерцающей энергии посреди бескрайней черной пустоты. Таинственные, мрачно-загадочные движущиеся картины, полные внутренней тайны, неясности, ожидания чего-то неизбежного, неизмеримо могущественной, безмолвной силы. Ясным было только ощущение тоскливого страха, бесконечного погружения в черную бездну, в царство ночи и холода, из которого невозможно вернуться...

“Пока еще ты можешь избежать движения по кругу”... – снова зазвучал голос бесплотного существа; и с этими словами в голове, беззвучно заполняющими все сознание, Юлий проснулся.

Он покинул свою квартиру и вышел на террасу, опоя-

сывающую жилые корпуса Института. Уже наступила ночь, и Млечный путь висел в сине-черном небе над зданиями, башнями и шпилями комплекса. Звездное небо было прекрасным. Юлий положил руки на гладкие каменные перила ограждения, поднял голову и долго смотрел на звезды – так долго, что затекла шея. Он все еще слышал эхо странного беззвучного голоса, затопившего его разум во сне, и почему-то ему хотелось посмотреть на определенную область неба, на маленькое бесформенное облачко с краю громадной полосы Млечного Пути. Он чувствовал исходящее из этой области неба странное ментальное притяжение. Как будто кто-то звал его...

– Я тебя искала, – раздался совсем рядом знакомый голос.

– Это там... – пробормотал Юлий, не отрывая взгляда от звездного неба. – Этот Войд там, я точно знаю...

Вера подошла на шаг ближе и положила руку ему на плечо.

– Ты тоже не спал? Думал про Войд?

Юлий, наконец, посмотрел на нее.

– Нет, я спал, – ответил он. – И сны были очень странные. Предчувствия... Знаешь... Как будто, мы все уже там были.

Вера вдруг обняла его и прижалась всем телом.

– Ты решил? Ты полетишь? – прошептала она.

Юлий поцеловал ее в щеку, затем отступил на шаг и посмотрел ей в глаза.

– Ты что, думаешь, что я хочу отказаться?

– У меня тоже есть это ощущение... – вдруг тихо сказала Вера.

– Какое ощущение?

– Как будто я уже знаю, что там, в этом Войде. Хотя не могу ничего толком описать. Так... какие-то смутные мысли...

– А ты? Ты полетишь? – спросил он. – Тебя ведь тоже называли...

– Где ты – там и я, – помедлив пару секунд, отозвалась она.

– Я никогда бы не подумал, что смогу сомневаться: лететь или нет. Это ведь такой уникальный шанс. Разве могут какие-то смутные тревоги влиять на решение? Неясный страх... Наверное, нас обоих испугало описание Войда. Психологический эффект... Черная бездна размером в миллионы световых лет, и мы посреди нее... что нас там ждет?

Он снова посмотрел на то место на краю Млечного Пути, от которого исходила неясная притягательная сила. Эта сила была мощнее, чем доводы рассудка, чем знания, логика и опыт. Она и звала его, и предупреждала одновременно. Со всем как в недавнем жутком сне, на долю секунды он как будто сумел увидеть что-то бесконечно далекое и размытое... бесконечность черного пространства там, в небе... и на него повеяло холодом из этой черной бездны.

Вера мягким усилием повернула его голову к себе и улыбнулась.

– Давай решим попозже У нас ведь еще есть два дня. Расслабимся немного. Завтра утром полетим на побережье.

Проведем прекрасный выходной. Приведем мысли в порядок. Ладно?

– Постой... Я что-то почувствовал... что-то странное... – пробормотал он, пытаясь снова взглянуть на небо и понять, что оно хочет ему сказать.

Но Вера уже заговорила о море, пляже и купании у кораллового рифа и, держа за руку, мягко увлекла его за собой. “Небо подождет”, – наконец, подумал Юлий и, усилием воли прогнав наваждение, пошел вслед за Верой.

**© П.В.Славин 2022**